

ЗАПАХ ТАБАКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НА РОЗОВОМ ПОЛЕ

18+

Татьяна Ред

Запах табака на розовом поле

<https://litres.ru/74140388>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать лет жестокой войны между оборотнями, охотниками и соколами сожгли дотла надежду на мир. Когда враги лишают Риту жениха, её сердце требует только одного — мести. Но слепой гнев оборачивается роковой ошибкой: случайно убитый зверь запускает лавину, и на племя Соколов обрушивается карательный отряд.

Теперь Рита — пленница Калеба, безжалостного вожака оборотней. Он — альбинос со скрытыми мотивами, который забрал её ради собственных темных целей. Она для него — лишь служанка из враждебного клана, но он утверждает, что никому её не отдаст. В шаге от ненависти до безумной страсти Рита ещё не знает, что в этой игре племен самый страшный враг уже занес над ней руку. Один взгляд чужих красных глаз — и тьма заберет у неё всё: её имя, её семью и её саму...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	65
Глава 6	79
Глава 7	93
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Татьяна Ред

Запах табака на розовом поле

Пролог

Иногда мне кажется, что я родилась уже с синяком под глазом и разбитыми коленями.

Мать любит повторять, что в младенчестве я кричала так, будто пыталась перекричать сам мир. Наверное, уже тогда я чувствовала, что он не собирается меня слушать. Отец же уверен: дело не в крике, а в характере. Диком, необузданном, громком для девушки нашего племени.

— Ты Сокол, Рита, — говорил он всякий раз, когда я возвращалась домой с очередной царапиной или выбитым плечом. Он обрабатывал мои раны, вечно поглядывая на меня измученным взглядом.

Наш дом всегда жил по строгому, как военный устав, распорядку. Разведчики приходили и уходили, принося носу тайны соседних племен. Мать вечно колдовала над ступкой, она в этом деле мастер. Бабушка, при жизни, была травницей, мама и нахваталась от неё. Отец почти не спал — ноча-

ми он сидел у окна, слушая мир, словно тот мог заговорить с ним напрямую. И только Тео позволял себе быть обычным: смеяться до колик, ругаться по пустякам и просто жить.

С братом у нас была особая связь — грубая, колкая, но самая настоящая. Он дразнил меня за неуклюжесть, за мою привычку сначала бить, а потом спрашивать имена. Но стоило кому-то чужому косо взглянуть в мою сторону, как Тео превращался из наставника, в демона искушителя.

— Когда-нибудь ты вляпаешься так, что даже я не успею тебя вытащить, — бросил он сегодня днем.

Тео сидел на крыльце, обтачивая наконечник стрелы. Я в это время воевала с застежкой плаща. Господи, лучше бы другую одежду выбрала. Но с моим кожаным комбинезоном он смотрелся как родной.

— Перестань каркать, — фыркнула я, наконец, завязав узлы. — Я всего лишь схожу за черешней. Что может случиться?

— «Всего лишь», — передразнил он, и его глаза стали серьезными. — На территории охотников? Рит, ты хоть понимаешь, что если тебя поймают, отец не сможет просто «поговориться»?

Я только улыбнулась. Не потому, что он был неправ — он был прав. А потому что запреты всегда действовали на меня как приглашение. Я любила этот риск. Любила чувствовать, как кровь стучит в висках, когда переходишь черту своих же запретных желаний. Я всегда попадала в неприятности,

однако и выходила из них не хуже.

Джейс ждал меня у ворот. Он смотрел на меня, словно я была картиной, а он любил их писать. Под этим взглядом внутри у меня становилось тихо, а вечный зуд в на душе за-тихал. С ним мир переставал быть полем боя.

— Вернешься до заката? — спросил он, бережно накрыв-
лая ладонью мое запястье, прямо поверх клейма рода.

— Постараюсь, — ответила я и соврала.

Мы оба это поняли. Скрывать что-то от любимого чело-
века было преступлением, но я не могла иначе. Джейс хотел
сказать что-то еще — я видела это по тому, как напряглись
его плечи, как он сжал губы, сдерживая слова. Но он никогда
не удерживал меня силой. Он знал: я захочу вырваться, убе-
жать и ни одна душа на этом свете, включая его, не сможет
меня остановить.

— Будь осторожна, Рит. Просто... вернись.

Я поцеловала его в щеку — мимолетный жест, который я
тогда считала чем-то само собой разумеющимся — и ушла,
не оглядываясь.

Как всегда. С полной уверенностью, что вечером мы снова
встретимся на этом самом месте. Что мой мир незыблем. Что
Тео всё так же будет подшучивать над моей корзиной ягод.

Я не знала, что этот закат станет последним, который я
запомню как «я». А потом наступила ночь.

Глава 1

Я бегу сквозь густую лесополосу. Ночь окутала мир плотным саваном, и в этой вязкой темноте каждый куст кажется врагом, которому я должна была проткнуть сердце. За мной гонятся двое охотников — те самые ищейки, которым наша стая перешла дорогу. Что ж, черт с вами, я всегда была из тех, кто мастерски находит неприятности на ровном месте. Это, кажется, в крови — бурлящий коктейль из адреналина и глупости.

Пока я слышу яростные крики за спиной, а моё дыхание превратилось в горячую, тягучую жидкость, раздражающую легкие изнутри, я могу вкратце поведать вам, кто я такая. Меня зовут Рита, и я принадлежу к роду Соколов. Нет, мы не оборачиваемся птицами, у нас не растут перья. Мы — те, кто способен одним лишь взглядом поставить целую роту солдат на колени, заставив их захлебнуться собственным страхом. Однако люди давно просекли эту особенность. Теперь они скрывают глаза за плотными повязками, превращаясь в слепых, но смертоносных хищников. Они научились слышать каждый мой выдох, их слух это помощник на их землях.

Тишиной я никогда не отличалась. Стоило мне в третий раз споткнуться о коварный сук и смачно, на весь лес, выругаться, поминая всех бесов разом, как преследователей ста-

ло двое вместо одного. Я заметила их еще на расстоянии километра, но, видит небо, мне до смерти нужно было добраться до этой чертовой черешни! Она растет именно на территории охотников — ирония судьбы, которую я люблю и ненавижу одновременно. Сладкий сок ягод стоил того, чтобы рискнуть шкурой... или я просто хотела в очередной раз доказать себе, что я быстрее смерти?

Охотники... Каста людей, чей смысл жизни — подпитаться нашими силами, как паразиты. Каждый в моем племени наделен даром убеждения. Стоит мне поймать чей-то взгляд, и я становлюсь кукловодом. Я могу приказать человеку бить себя тяжелой чашкой до тех пор, пока стекло не рассыплется в кровавые щепки, впиваясь в ладони. Жестоко? Возможно. Но наше племя — самое конфликтное в этих землях. Мы не водим дружбы ни с людьми, ни с оборотнями. Мы — одиночки в мире, который мечтает нас приручить и уничтожить.

Кстати, об оборотнях. Забудьте сказки о тех, кто воет на луну, ожидая полнолуния, чтобы превратиться в чудовищ. Местные перевертыши — это истинные хозяева формы. Они способны принять облик любого зверя в любое время. Поэтому на охоту мы выходим, озираясь на каждую тень. Как отличить настоящего волка от оборотня? Что ж, дикий зверь вряд ли будет благоухать дорогим одеколоном или изысканными духами. Оборотни любят роскошь, даже когда собираются перегрызть тебе глотку. Если в чаще пахнет не сырым мясом и не гнилью — беги.

Я споткнулась в очередной раз, пропахав носом землю.
— Блядь! — вырвалось у меня вместе с комком грязи.

Если бы сейчас меня увидел Тео, мой старший брат, он бы непременно наградил меня своей фирменной издевательской ухмылкой и высмеял мою неуклюжесть. Но в следующую секунду он бы хладнокровно, не дрогнув ни единым мускулом, пристрелил этих ищеек из арбалета. Тео всегда был моей страховкой, но сегодня я одна.

О нет... Впереди показался крутой склон. Разумеется, я не удержала равновесие. В момент удара головой о землю воздух с хрипом выбило из легких. Мир перевернулся. Я летела кубарем вниз, собирая телом все камни и корни. Черные волосы спутались в колтун, руки покрылись глубокими царапинами, а плащ безнадежно застрял в колючих ветках терновника.

Приземление вышло самым паршивым. Я с размаху ударилась животом о поваленное дерево. Острая, ослепляющая вспышка боли прошла тело — я отчетливо услышала противный хруст, а затем почувствовала, как ветка пробила плоть, входя в меня.

Я затаила дыхание, боясь даже шелохнуться. Грудная клетка ходила ходуном, но я заставила себя замереть. Нельзя выдавать себя этим бесовским отродьям, когда я так беспомощна, пришпиленная к дереву, как иглы в кукле вуду. Повернув голову, я увидела, как двое преследователей, дезориентированные шумом, пронеслись мимо, уносясь вглубь

леса.

Камни, осыпавшиеся вместе со мной в овраг, создали ложный след. Хоть в чем-то мне сегодня повезло, если можно назвать везением дыру в животе.

— Так, Рит, спокойно... дыши, — прошептала я, упираясь дрожащими ладонями в кору.

Ветка засела глубоко. Я чувствовала, как кровь пропитывает одежду. Как можно было так влипнуть? Помимо убеждения, наш род обладает даром регенерации, но эта магия — капризная сука. Она пробуждается, только когда есть искры внутренних сил. А я сейчас пуста, как кубок после пиршества.

На моей кисти внезапно засиял знак Соколов: золотое перо, выжженное на коже с самого рождения. Это клеймо — наша гордость и наше величайшее проклятие. Если кого-то из нас убьют и, по обычаю охотников, лишат глаз, по этой метке сородичи поймут, чей это труп.

В груди кольнуло привычной болью. Мы ведь забываем лица собственных детей — в нашей практике это печальная, неизбежная норма. К сорока годам память многих Соколов превращается в рваное лоскутное одеяло, затуманивается настолько, что они не могут найти дорогу к порогу собственного дома. Они смотрят на своих сыновей и дочерей, и видят лишь чужаков. Таких бедолаг мы просто не выпускаем за ограду, чтобы они не потерялись в мире, который их ждет с раскрытой пастью.

Благо, эта участь настигает не всех. Мои мать и отец пока еще помнят меня — их неуклюжую, строптивую Риту, которая вечно ищет приключения на свою пятую точку. И это сияние на коже сейчас — не просто магия. Это зов. Отец чувствует, что я на грани. Он зовет меня домой, в безопасность, которой здесь нет.

С надрывным стоном я рванулась назад, вырываясь из острых объятий дерева, и рухнула на сырую землю, чувствуя, как сознание начинает медленно возвращать меня к жизни.

В этот миг в звездном небе сорвалась и упала звезда, прочертив золотой след. Я никогда не верила в сказки о желаниях — в нашем мире за всё платишь кровью, а не мечтами, — но сейчас в голове лишь одна отчаянная мысль: «Пусть в моем племени всё будет хорошо... Пусть все вернутся домой».

Из раны на животе толчками потекла горячая кровь, просачиваясь сквозь пальцы. Я прижала ладонь к дыре, и, пошатываясь, встала. Оглядев окрестности и убедившись, что в лесной тишине не слышно дыхания ищеек, я побрела вниз по склону. Там, за подножием горы, раскинулся наш городок — Сокольские низины.

Только бы отец не заметил новую рану. Да, я та самая девушка с десятками шрамов — уродливой памятью о былых стычках и немой доказательством того, что я просто неугомонное создание, не умеющее вовремя отступить.

Наш городок, освещенный светом факелов, по вечерам всегда замирает. Здесь царит смешанный уклад: часть посе-

ления уютно расположилась прямо на земле, среди пышных садов и крепких очагов, а часть — в кронах исполинских деревьев, соединенных подвесными мостиками.

Соколы — племя дружное. Здесь ценят поддержку, открытость и взаимовыручку.

Именно сумерки — любимое время охотников, они считают нас наиболее уязвимыми в эти моменты. Но у Соколов есть своя броня. По всему периметру низин буйно цветут растения с розовых полей. На оборотней этот дурманящий запах не действует, но на людей-охотников он влияет магически: стоит им учуять этот приторно-сладкий аромат на подступах к городу, как их разум мутится. Сознание окутывает тяжелая пелена, и они впадают в беспробудный сон прямо там, где стояли. Для нас же эта флора — благословение. Её лепестки и корни помогают нам восстанавливать силы и залечивать раны, которые в обычном мире убили бы за час.

Вы спросите, как мы защищаемся от оборотней? Честно говоря — никак. У нас с ними странный паритет, замешанный на взаимном страхе. Они не нападают на город открыто — боятся наших лучников. А если и решатся... что ж, у нас есть собственные охотники на перевертышей. Баш на баш, жизнь за жизнь.

Наш дом стоял в самом сердце поселения. Крепкий, сложенный из темного векового дуба и окруженный высоким железным забором. Прежде чем войти, я туго завязала плащ

на поясе, надеясь скрыть пропитанную кровью ткань. Но едва переступив порог, я почувала тяжелый взгляд отца, а именно его затылка. Меня здесь ждали. И ждали именно раненой.

Отец стоял спиной к двери, неподвижно глядя в темное окно. На столе в идеальном, пугающем порядке уже были разложены чистые бинты, дымилась чаша с теплой водой, а рядом замерли склянки с мазями. Он всегда знал. Проклятая метка на руке была нашим личным каналом связи и моей клеткой.

— Ты снова за своё? — произнес он, не оборачиваясь. — Неужели эта черешня стоит твоей жизни, Рита? Ты действительно так сильно хочешь угробить себя раньше времени? Поверь, время настанет, и мы тебя уже не найдем.

Я раздраженно закатила глаза, скрывая за гримасой вспышку боли, и опустилась на жесткий стул. Руки сами потянулись к столу — привычный ритуал исцеления. Я схватила первый попавшийся предмет — стеклянную баночку с густой мазью из корней роз.

— Зачем ты звал меня через метку? — спросила я, стараясь, чтобы вопрос звучал естественно. — Ты ведь знал, что я была на грани. Если бы охотники прозрели хоть на миг и увидели сияние печати сквозь свои повязки, я бы уже не вернулась. Ты подставил меня под удар, папа.

Отец помедлил, его плечи тяжело опустились, словно на них навалился свод небес. Он, наконец, повернулся.

— Мы нашли ещё одного, — коротко бросил он.

— Кого? — моё сердце пропустило удар, а в животе похолодело вовсе не от раны.

— Сокола. Убит в низине, недалеко от водопада. Глаз нет — вырезали под корень. А клеймо на запястье изрезано с такой животной яростью, что мы едва опознали его. Рита, если оборотни и охотники объединятся, наш род исчезнет. Мы станем лишь легендой, сказкой, которую будут рассказывать детям перед сном, чтобы те не гуляли в лесу.

Мой отец возглавлял разведчиков. Он видел смерть чаще, чем солнечный свет. Это он приносил вести о тех, кто больше никогда не переступит порог своего дома.

— И кто это был? — мой голос сорвался на шепот.

Папа отвел взгляд, не в силах смотреть мне в глаза. Он закусил губу, и этот мелкий, такой человеческий жест выдал его с головой. Погибший был не просто соплеменником. Мир вокруг меня начал медленно рушиться, кирпичик за кирпичиком.

— Джейс. Это был твой Джейс.

Мои пальцы судорожно разжались. Стеклянная баночка выскользнула и с жалобным, звонким хрустом разбилась о деревянный пол. Острые изумрудные осколки брызнули в стороны.

— Что?.. — выдохнула я, надеясь, что это просто дурной сон, порожденный лихорадкой от раны.

Но ледяная пустота в груди была слишком реальной. Джейс. Мой Джейс. Тот, кто обещал мне, что мы построим

свой дом подальше от границ. Тот, кто дарил мне полевые цветы и заставлял смеяться. Мы должны были пожениться через несколько дней... Он ушел сегодня днем, поцеловав меня на прощание, и обещал вернуться к закату. Но солнце село, а он — нет.

— Рита, послушай меня... — отец шагнул ко мне, протягивая руку.

Я не стала слушать. Резко, преодолевая тошнотворную боль в животе, я вскочила, отталкивая его руку. Бросилась к лестнице, полностью игнорируя встревоженные возгласы отца. Каждая ступень отзывалась вспышкой боли, но мне было плевать. Влетев в свою комнату, я с силой захлопнула дверь, заперла её на щеколду и просто сползла по дереву на пол.

Слезы хлынули градом, обжигая щеки. Пять лет... Мы были одним целым пять лет. С ним я прошла через всё: через первый страх охотников, через потерю друзей, через то редкое и чистое счастье, которое вообще возможно в нашем проклятом мире. Джейс был моим якорем. Моим домом. И теперь его вырвали из моей жизни, оставив на месте сердца зияющую, окровавленную дыру. Его больше нет. И я не знала, как дышать в мире, где его нет.

В дверь негромко, но требовательно постучали.

— Рита? Открой.

Это был Тео. Сейчас я не хотела видеть никого на свете, даже его. Хотелось просто зарыться в одеяло и позволить темноте поглотить меня целиком.

— Что тебе? — выдавила я, борясь с удушающим комом в горле.

— Я слышал о Джейсе... — очевидно, в этом поселении чихнешь, на другом конце скажут «будь здоров». — Я не оставляю это просто так, Рита. Слышишь? Найду того, кто это сделал, и лично притащу его к тебе на расправу. Живым или по частям — решать тебе.

Тео был тем самым братом, который любил меня безусловно, просто за то, что я есть — с моим скверным характером и вечными царапинами. Он никогда не дрожал над собственной жизнью, хотя я за него боялась постоянно, до боли в груди. Он всегда боялся только за меня.

— После похорон я иду в рейд с нашими охотниками. Хочешь... — он замялся, подбирая слова, чтобы хоть немного разрядить этот ужасный момент. — Хочешь, принесу тебе черешни? Той самой, из-за которой ты сегодня чуть не померла.

Я невольно усмехнулась сквозь рыдания, вытирая лицо ладонью. Глупый, нелепый Тео. Пытается лечить перелом души ягодами.

— Если хочешь... принеси.

— Значит, всё по списку. Ага, записал. Черешня для самой невыносимой девчонки в низинах.

Я почувствовала, как его тон стал нарочито бодрым. Он всегда так делал — строил мосты над бездной моего отчаяния, не давая мне сорваться вниз. И, признаться, я была ему

за это благодарна. В этом доме кто-то должен был оставаться скалой.

— Заходи... если хочешь, — я поднялась и, пошатываясь, отодвинула тяжелую щеколду.

Тео вошел бесшумно. Его взгляд, острый и внимательный, тут же остановился на моем лице.

— У тебя все щеки опухли, и глаза красные, как у кролика, — констатировал он, без злобы, как он и любил.

Я поджала губы, глядя в пол. Брат видел меня насквозь — всю ту боль и страх, которые я так старательно прятала за маской строптивости. Даже Джейсу я не всегда решалась показать свою истинную уязвимость, боясь показаться слабой... А теперь больше и не придется.

Тео осторожно обнял меня. Мысли путались и я была совсем не здесь. Но я не могла просто игнорировать присутствие брата в своей же комнате.

— Я отомщу, Рита. Клянусь тебе кровью. И мне плевать, кто за этим стоит — люди или звери. Они пожалеют, что родились на свет.

Я прижалась к его широкой груди, вздыхая, и новая волна слез накрыла меня. Когда-то Тео и Джейс были не разлей вода, пока между ними не встало мое упрямство и наши отношения. Но брат никогда не держал зла — он видел, как я сияла рядом с Джейсом, и этого ему было достаточно для прощения.

Я всем сердцем ненавижу охотников, ненавижу оборот-

ней и втайне молюсь всем богам: я просто хочу, чтобы они оставили нас в покое. Чтобы наше племя жило, не оглядываясь на каждый шорох, не проверяя запоры на окнах каждую ночь... Но за последний месяц число погибших выросло втрое. Люди научились убивать нас скрытно, выслеживая поодиночке, вырывая сердца и лишая зрения.

— Можно мне пойти с тобой на охоту? — спросила я, отстранившись и глядя ему прямо в глаза.

Тео выгнул темную бровь и прищурился.

— Ты уверена, что готова убивать, Рита? Это не в прятки в лесу играть.

Он не спросил, не боюсь ли я смерти. Брат знал: пока он рядом, он не даст меня в обиду. Но готовность забрать чужую жизнь — это совсем другое.

— Уверена, сэр, — я выдавила из себя подобие улыбки, которая больше походила на оскал.

Тео улыбнулся в ответ, хотя по взгляды я видела, что он хотел отвесить мне подзатыльник.

— Тогда решено. После похорон я забираю тебя, и мы вместе с Рокки выходим на след. Пора показать им, что Соколы всё еще умеют выпускать когти.

Он коротко кивнул и вышел, так же бесшумно прикрыв за собой дверь. Я осталась одна в комнате. Боль от потери Джейса не утихала — она просто свернулась клубком где-то под ребрами, прямо на ране. Это явно был знак, что счастливой я не вернусь. Я быстро выпила отвар из лепестков роз,

что стоял у меня рядом с кроватью. Холодный, но стабильно помогает мне не умереть.

Подойдя к зеркалу, я расстегнула плащ.

Повязка, наспех сооруженная еще по дороге сюда, насквозь пропиталась кровью. Выглядело скверно, но края плоти уже начали стягиваться, покрываясь розовой пленкой. Дар регенерации медленно, но верно делал свою работу, высасывая из меня последние крупницы жизненных сил. Я чувствовала себя выжатым лимоном, но это было даже к лучшему — физическая слабость притупляла агонию в душе.

Я коснулась татуировки пера на запястье.

«Я найду их, Джейс», — прошептала я в пустоту. — «Клянусь, они ответят за каждый шрам на твоём теле. И за каждую слезу, которую я пролила сегодня».

Я простояла у зеркала ещё несколько мгновений, прежде чем заставила себя отвести взгляд. Если смотреть дольше — можно было увидеть, как в моих глазах умирает та прежняя Рита и рождается кто-то другой. Кто-то, кому больше не нужна черешня.

В доме было непривычно тихо. Даже половицы не скрипели — само дерево замерло в трауре, который ещё не был объявлен вслух, но уже пропитал каждый угол. Я спустилась на кухню, стараясь не шуметь.

Мать сидела за столом, спиной ко мне, абсолютно неподвижно. Перед ней стояла чашка с давно остывшим отваром, а рядом — аккуратно сложенный, идеально чистый платок.

Она не плакала. Не всхлипывала. Она просто смотрела в одну точку на стене, сжимая край дубового стола.

Её глаза были красными от слез. Это было то особое, тихое горе, которое не выплёскивается истериками наружу, а медленно, по капле, разъедает человека изнутри, превращая живую плоть в пепел.

— Мам... — тихо позвала ее я, нарушая тишину.

Она вздрогнула, будто её внезапно вытолкнули из ледяной глубины на поверхность, и медленно обернулась. Увидела меня — и впервые за весь этот бесконечный вечер в её взгляде мелькнуло что-то живое. Дикая, первобытная боль, мгновенно смешанная с судорожным облегчением.

— Ты дома, — сказала она. Не спросила. Убедилась.

Я кивнула и подошла ближе, едва переставляя онемевшие ноги. Каждая вещь в этой комнате теперь казалась осколком той жизни, которой больше не существовало.

— Я хотела сказать... — начала она и осеклась. Слова, видно, застревали в горле. — Я заварила твой любимый чай. Пей, пока не остыл.

— Спасибо, мам.

Я села напротив. Мы обе боялись, что если коснемся друг друга сейчас, то обе просто рассыпаемся в пыль.

— Он был хорошим мальчиком, — произнесла мать наконец, глядя куда-то сквозь меня. — Всегда помогал, даже когда его не просили. Никогда не спорил. Даже когда видел, что всем вокруг страшно... он улыбался.

«Названный сын». Она любила его не по закону крови, а по велению сердца. Джейс часто смеялся, подмигивая мне, что ему чертовски повезло: у него появилась мать, которая ворчит из-за промокших сапог. Она каждый раз заботливо поправляла ему воротник плаща перед выходом и провожала долгим взглядом, будто знала: мир за оградой только и ждет момента, чтобы его забрать.

— Я не успела... — её голос предательски дрогнул. Она резко замолчала, судорожно втянула носом воздух. — Я хотела отдать ему наш семейный оберег. Тот, с резьбой в виде крыла. Думала — подожду до свадьбы. Сделаю подарок перед алтарем.

Я сжала пальцы под столом так сильно, что ногти впились в ладони, перебивая боль в животе. Гнев внутри меня шевельнулся. Он требовал выхода, требовал крови тех, кто превратил мамину надежду в этот тихий ужас. Но я заставила себя сидеть ровно.

— Это не твоя вина, — сказала я твердо, чтобы не загубить психику мамы ещё больше. — И не его. В этом виноваты те, кто забыл, что у Соколов тоже есть сердце.

— Ты снова пойдёшь туда, — почти беззвучно произнесла мать. — Я вижу это по твоим глазам, дочка.

Я не ответила. И не нужно было. Моё молчание было громче любого крика.

Мать медленно поднялась. Она подошла ко мне и неожиданно, порывисто обняла. Она вцепилась в мои плечи так,

будто боялась: если она сейчас ослабит хватку хоть на йоту, я просто растворюсь, исчезну следом за Джейсом в той низине у водопада.

— Вернись, — прошептала она мне в волосы, и я почувствовала, как её горячая слеза скатилась мне за шиворот. — Слышишь? Кем бы ты ни стала в этой охоте... в какого бы монстра ни превратилась... просто вернись в этот дом.

Я закрыла глаза, вдыхая её запах в последний раз перед тем, как окончательно запереть свое сердце на замок. Я позволила себе эту минутную слабость. Позволила себе быть просто дочерью, у которой отняли всё. Всего на одно мгновение.

— Обещаю, — сказала я пустоте.

И сама не знала, кому именно я даю это обещание: матери, покойному жениху или той безжалостной тени, в которую я собиралась превратиться завтра на рассвете.

Глава 2

Утром меня разбудил не солнечный свет, а тихий, надломленный голос матери:

— Рита, вставай. Пора...

Я открыла глаза и не сразу поняла, почему в груди так тесно. А потом память обрушилась на меня лавиной. Мама выглядела совершенно раздавленной — за одну ночь она будто постарела на десять лет. Джейс стал для нашей семьи родным: и сыном, и братом для меня. Его собственные родители давно сгорели в огне войны, развязанной охотниками, и мы были единственными, кто держал его за руку в этом мире.

Я тяжело поднялась. Одежды у нас было немного; мы берегли вещи, как святыни, перешивая их из старых добротных тканей, которые служили поколениям до нас. Я достала свой охотничий доспех: кожаный колет с почерневшими железными пластинами на груди и коленях. Это была наша единственная защита в ближнем бою. Я не собиралась сражаться, я собиралась встать горой перед тварями, что сотворили с ним это

За окном небо затянуло тучами, сама природа решила надеть траур. Погода вторила нашему настроению, лишая мир последних красок. Спустившись в просторную прихожую, я замерла на нижней ступени.

Посреди комнаты, на двух грубых скамьях, стоял гроб. Тело было накрыто ослепительно белым саваном, и я не могла заставить себя сделать даже шаг навстречу. В горле встал колючий ком. Страшно. До одури страшно видеть того, кто еще вчера смеялся, чьи руки были теплыми, а обещания — нерушимыми... видеть его неподвижным холмом под тканью перед тем, как ритуальное пламя поглотит его плоть.

Соколы всегда сжигают своих мертвецов. Мы не можем позволить, чтобы враги-охотники или голодные оборотни оскверняли наши тела, выкачивая из костей остатки магической силы для своих гнусных обрядов.

Мама вышла из кухни в простом сером платье. Глаза её превратились в две узкие щелочки от слез, волосы были собраны в небрежный, косой узел.

— Ты хоть немного спала? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

Мама лишь отрешенно кивнула, не сводя пустого взгляда с гроба.

— Сейчас придет Ксандер... хочет попрощаться лично, — прошептала она, закрывая лицо сухими ладонями.

Я подошла и крепко обняла её. Сейчас я должна была стать монолитом — за нас двоих. Мой взгляд невольно скользнул по контурам под саваном. Что за твари сотворили это? Я задала этот вопрос самой себе и тут же горько усмехнулась. Оборотни. Охотники. Какая разница? Все они жаждают нашей крови, хотя в стародавние времена, если верить

истории, наши племена называли друг друга братьями. Теперь от этого братства остался только пепел.

В дверь тихо постучали. В дом вошел Ксандер — вождь Соколов. Его иссиня-черные волосы были заплетены в безупречно тугую косу, а за мощным плечом виднелся тяжелый колчан, полный стрел с черным оперением. Такие есть только у него, самые сильные и острые стрелы.

— Доброго дня, хозяйка, — пробасил он, делая шаги внутрь.

Высокий, широкоплечий, он замер над гробом. Мама, не выдержав его взгляда, поспешно скрылась на кухне, утирая слезы краем платка.

У меня с вождем всегда были острые отношения. Год назад из-за моей неосторожной вылазки он подставился под стрелу охотника, прикрывая мою спину. Тогда он в ярости орал на все поселение, что я — никчемная, взбалмошная девчонка, которой не место среди воинов. Я тогда сбежала в лес, захлебываясь обидой, но быстро вернулась, когда первая же стрела чуть не пробила мою ногу. Страх добавляет людям энергии, тогда я это познала на практике.

— Ты как? — негромко спросил Ксандер, поднимая на меня свой взгляд.

Я выпрямилась, не выдавая ни единой эмоции. Его сочувствие всегда казалось мне фальшивой пеленой, чтобы я могла в него поверить.

— Я в порядке. Похороны через час, пора готовиться.

Ксандер молча кивнул. Мужчина медленно опустился на корточки перед гробом и осторожно вытянул из-под белого савана руку Джейса.

Она была бледной, а на запястье чернело клеймо. Достав из-за пазухи полосу белой ткани, вождь принялся медленно перевязывать изображение пера. Это была «завеса» — ритуал, закрывающий путь темным духам и оберегающий душу от сглаза перед костром.

Мы сжигаем своих на Розовом поле. Легенда гласит: если на месте пепелища через три дня вырастет роза, истекающая сладким нектаром — душа покойного дома, в высшем мире. Если же цветок вырастет сухим и безжизненным — значит, душа проклята и дорога ей в вечный мрак.

Я смотрела на его пальцы, и внутри меня всё клокотало. — Ты завязал на два узла, а надо на три, — бросила я, глядя на вождя сверху вниз.

— Вы не успели стать мужем и женой, Рита, — отрезал он, не прерывая работы, и поднялся во весь свой внушительный рост. — Ритуал единства не был завершен. Ты не знаешь, как боги бы отнеслись к этому союзу.

— Мы были помолвлены! — я сделала шаг вперед, и мой голос всё-таки сорвался. — Мы дали клятву перед родителями! Это тоже считается перед богами! Третий узел — это моя связь с ним!

— Я всё сделал правильно. Он уходит свободным, и на том свете его ничто не должно удерживать или тянуть назад.

Хватит вести себя как капризный ребенок.

— Это ты перестань делать из меня гребанное дитя! — я почти кричала, игнорируя то, как больно тянет рану на животе. — Мне в этом году двадцать, а ты не способен проявить уважение даже к моей потере!

— Я не слушаю тебя только потому, что ты несешь бессмыслицу, продиктованную горем, — Ксандер сделал два тяжелых шага в мою сторону. — Я вождь, и я лучше знаю, как вязать ритуальные узлы, чтобы не погубить душу.

— Ссориться и командовать над телом покойного сородича — вот что ты умеешь лучше всего, Ксандер.

Он прикрыл глаза, шумно выдыхая сквозь зубы, явно пытаясь подавить желание просто выставить меня за дверь. Я же, напротив, до боли сжала кулаки. Я ненавидела его тон, ненавидела то, как легко он обесценивал мою личную катастрофу, превращая её в «неправильный ритуал».

— У оборотней новый вождь, — вдруг произнес Ксандер, резко сменив тему, словно обрывая нить нашего спора.

Я невольно разжала кулаки. Вот так в лоб мне подобное еще никто не говорил. Ксандер, да ты мастер своего дела.

— А что со старым? — нахмурилась я.

— Погиб. По некоторым сведениям, его растерзали свои же. Говорят, этот новый куда страшнее прежнего. Если старый вождь еще помнил вкус мира и сохранял подобие нейтралитета, не желая открыто нападать на Соколов, то я не знаю, какие демоны и жажда власти в голове у этого зверя.

Я закусила губу до крови, снова глядя на гроб. Ярость закипала внутри, смешиваясь с скорбью.

— Наверняка кровь Джейса на его руках... Гнусные щенки, — прошипела я. Яд так и капал с моих губ, обжигая язык. — Они ответят за каждого нашего.

Ксандер ничего не ответил. Он вернулся к телу и, помедлив секунду, затянул еще один узел на бледном запястье Джейса поверх белой ткани. Третий.

Значит, он всё же услышал меня. Значит, признал. По нашему суровому закону, два узла — это знак одиночества, символ того, что душа уходит в пустоту и на земле её больше никто не ждет. Три узла вяжут тем, у кого осталась верная жена или невеста, или во время самого ритуала бракосочетания. Немой обет, что он будет ждать меня там, сколько бы лет ни прошло.

— Можешь идти к полю, Рита. Там уже собирается народ. Мы с твоим братом донесем его. Иди, поддержи мать.

Розовое поле всегда было для нашего племени сакральным и пугающим местом одновременно. С одной стороны — единственный источник нашей жизни. В жилах каждого Сокола течет едва уловимый след магии этих роз. Из их корней мы варим целебные снадобья, способные затянуть даже рваные раны, а из лепестков завариваем укрепляющие отвары, для незначительных ран, или для быстрой восстановления энергии. Мы открыли их магию не так давно, лет двадцать назад, когда мой отец был еще юнцом. Тогда старейшины об-

наружили, что эти цветы, пахнущие для меня медом и сахаром, способны возвращать силы даже самому изнуренному воину.

С другой стороны — это поле чистой, незамутненной боли. Ксандер похоронил здесь почти всё, что любил: жену и троих сыновей. Теперь у него осталась только крошка Полли, которую он оберегает с неистовостью раненого зверя, не отпуская от себя ни на шаг. За два десятилетия это место превратилось в огромное кладбище без единого надгробия — только бесконечный океан цветов, впитывающих пепел наших предков. Раньше, гуляя здесь, я чувствовала покой... но не сегодня.

Я стояла рядом с матерью, крепко сжимая её локоть. Она всё ещё покачивалась, будто стояла на палубе корабля во время шторма, и едва держалась на ногах. Воздух над полем был густым, почти осязаемым.

Толпа соплеменников замерла по краям поля, образовав живое кольцо. Никто не смел наступать на цветы — это считалось осквернением памяти. В самом центре зияла пустая, вытоптанная площадка — место для последнего костра.

Я подняла глаза и увидела их. Тео, Ксандер и еще двое воинов несли гроб на своих плечах. Время в моем сознании вдруг замедлилось. Мне хотелось сорваться с места, броситься вперед, рухнуть в эти проклятые розы и кричать, сдирая ногти в кровь: «Похороните меня вместе с ним! Я не хочу оставаться здесь одна!».

Но я стояла не шелохнувшись, впившись пальцами в собственное предплечье. Я не позволю боли ослепить меня. Сейчас мои глаза затуманило другое чувство — ледяная жажда мести, которую стоит подавать холодным. Она пульсировала в висках в такт шагам Ксандера. Я знала наверняка, если я увижу сейчас хотя бы одного оборотня, я собственноручно вскрою ему горло, даже если мне придется зубами рвать его плоть.

Гроб установили на кирпичное основание, обложенное сухим хворостом. Двое Соколов отошли в сторону, раздувая пламя факелов. Искры летели в серое небо, похожие на крошечных умирающих светлячков.

— Соколы! Сегодня мы прощаемся еще с одним братом, — голос Ксандера загремел над полем. — Я, как и вы, до смерти устал от этой бесконечной войны. Устал от вкуса крови во рту и запаха пепла на этих цветах. Но мы выстоим. Мы победим, потому что наше право на жизнь оплачено самой дорогой ценой. Кровь наших птенцов будет пролита не напрасно!

Рядом послышался тихий, захлебывающийся всхлип. Я опустила голову и увидела Полли. Малышка стояла подле меня, мертвой хваткой вцепившись в край моего кожаного плаща. Её глаза были расширены от ужаса. Она смотрела на отца с таким отчаянием, словно в этот миг он сжигал не Джейса, а его самого.

Моё сердце заколотилось в унисон с треском костра, ко-

гда Ксандер и Тео одновременно подняли пылающие факелы. Мое сердце забилося настолько сильно, что я могла бы прямо здесь рухнуть в обморок и молить не проснуться. Но теперь задача у меня другая: отомстить.

— Джейс погиб как воин, и память о нем будет высечена в наших сердцах вечно. Я верю в перерождение и верю, что его следующая жизнь станет светлее и достойнее этой. Он всегда будет среди нас — ветром в крыльях и силой в руках.

Настал момент, которого я боялась больше, чем собственной смерти. Они синхронно опустили факелы, и сухая древесина, пропитанная маслом, мгновенно занялась ревушим пламенем. Рыжее марево скрыло белое очертание савана. Мама пошатнулась, её колени подкосились, и она начала оседать на землю, теряя сознание от невыносимого жара и горя.

— Мама! — вскрикнула я, подхватывая её под руки. Две женщины, стоявшие рядом, тут же подскочили, помогая удержать её на весу.

В этот момент я посмотрела на Тео. Его лицо было неподвижным, но по щеке ползла одинокая дорожка, оставляя след на припыленной коже. Он потерял брата. А я потеряла свою душу.

Я не могла отвести глаз от пылающего гроба. Огонь жадно слизывал сухую древесину, превращая воспоминания в дым. По щеке скатилась одинокая слеза, а ногти впились в ладони так глубоко, что я физически почувствовала, как лопается кожа и между пальцами струится кровь.

Тео, бросив свой догоревший факел в общую кучу, подле-тел к матери. Его лицо было бледным, но движения остава-лись четкими. Он подхватил её под локоть, помогая увести с поля, пока она окончательно не лишилась чувств от запаха горелой плоти и роз.

Обряд близился к завершению. Соколы, понутив головы, начали медленно расходиться, растворяясь в тумане, кото-рый начал наползать с низин. Но я осталась. Я не могла уй-ти, пока не увижу финал. Мы с Ксандером стояли в вязкой, давящей тишине, ожидая, пока огонь догорит, чтобы совер-шить последний, самый горький ритуал — вернуть прах зем-ле. Кости у соколов горят как и плоть, но нам не мешает это быть сильными.

— Ты хорошо держалась, Рита, — негромко произнес Ксандер после долгого молчания.

Его тяжелые, подбитые железом ботинки безжалостно ступали по обугленным останкам дерева, втапывая серый прах Сокола в черную почву. Звук был невыносимым. Мне казалось, будто он ломает не дерево, а мои собственные ко-сти, перетирая их в муку. Каждое его движение отзывалось тупой болью в моем животе, там, под повязкой.

Я опустилась на колени перед выжженным кругом. Земля здесь была горячей, она дышала жаром. Эта почва впитала столько пепла за последние годы, здесь было сожжено столь-ко моих сородичей, друзей и соседей, что я давно потеряла им счет. Теперь здесь был и Джейс.

— Он, правда, попадет в лучший мир? — прошептала я, глядя на то, как искры гаснут на лепестках роз. Слеза сорвалась с подбородка и мгновенно испарилась, коснувшись горячей земли.

Ксандер поднял на меня глаза. Он не из тех, кто умеет утешать, жалость была ему чужда, как и любая слабость. Но мой вопрос был адресован не ему — я спрашивала у самих роз, у этой древней магии, которая нас породила.

— Увидим, — бросил он равнодушно, отходя от места погребения. В его голосе не было ни капли той скорби, которую он изображал перед толпой. — Ты ранена?

Я посмотрела на свои ладони: из глубоких полумесяцев, оставленных ногтями, продолжала сочиться алая кровь, пачкающая рукава. В моем уставшем сознании это была уже не моя кровь. Это была жертва. Моя личная дань за жизнь Джейса, которую я не сумела сберечь.

— Я убью их... — прошипела я, кривя лицо и вспоминая за один миг все похороны за последние годы. — Чего бы мне это ни стоило, Ксандер. Я вырву им сердца.

— Папа!

Звонкий, детский голос заставил меня вздрогнуть и выпрямиться. Полли бежала к отцу со всех ног, её светлые волосы растрепались, а личико было бледным от испуга.

— Что такое, Соколёнок? — Ксандер мгновенно изменился, перехватив её на бегу. Его огромные руки бережно прижали девочку к себе.

— Тебя зовет разведчик Стен. Он на окраине... он что-то нашел.

Я увидела, как мощные плечи Ксандера буквально окаменели под плащом. Его челюсти сжались так, что на скулах заиграли желваки.

— Только не это... — прошептал он так тихо, что услышала лишь я.

Вождь, не прощаясь, сорвался с места. Он уходил стремительно, оставляя меня одну посреди выжженного круга и угасающих углей. Полли с опаской заглядывала мне за спину, на черное пятно пепелища, где еще недавно был человек.

— Мне очень жаль, Рита... — прошептала она одними губами.

— Все в порядке, Полли. Беги домой, — ответила я. — Папа будет волноваться.

Девочка кивнула и поплелась вслед за отцом — медленно, растеряв всю свою минутную энергию, словно это поле выпило её силы.

Я осталась одна. Тишина обрушилась на меня, как лавина. Я снова перевела взгляд на место, где догорал костер. Нужно было дождаться рассвета. Нужно было увидеть розу. Потому что если роза не вырастет... я не знаю, как мне жить дальше с этой болью внутри.

— Рита? — Снова позвала Полли. Она замерла в паре шагов, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Что такое? — отозвалась я, не оборачиваясь. Перед

глазами всё еще плыли оранжевые пятна.

— Я тут подумала... знаю, не лучшее время. Но папа занят, и... — Полли медленно вытянула из-за спины лук. Тот самый, который когда-то соорудила для неё я.

— Ты снова хочешь научиться концентрироваться? — я через силу усмехнулась, наконец повернувшись к ней.

Она быстро закивала, глядя на меня с той отчаянной надеждой, на которую способны только дети, выросшие на грани войны.

— Поможешь? Я тебе единственной доверяю.

Я медленно поднялась. Ноги ныли, а по всему телу разливалась тупая, тягучая боль. В горле до сих пор стоял горький привкус гари — всё, что осталось от Джейса после того, как огонь на розовом поле забрал его плоть. Я всё еще чувствовала этот жар на своей коже. Казалось, если я сейчас поднесу к лицу розу, она запахнет гнилью просто от того, что я не смогла его спасти.

— Давай отойдем подальше.

Я слегка подтолкнула её в сторону старого стрельбища — заросшего участка леса, где когда-то сама до крови сбивала пальцы о тетиву.

Проблема Соколов была проста и беспощадна: наш взгляд — это дар и проклятие одновременно. Стоило времени внутри головы замедлиться, а зрачку «зумировать» дальнюю точку, как мир вокруг превращался в хаос. Если ты новичок, твой мозг пытается зацепиться за каждое движение: за по-

лет мошки, за дрожание листа, за солнечный блик. Взгляд мечется, картинка дергается, и вместо меткого выстрела ты получаешь дикую мигрень и тошноту.

— Я готова, — громко сказала Полли. Она выудила из колчана стрелу и нацелилась в потемневшую кору старого дуба.

Я же пошла вперед, заходя в зону обстрела. Безумие? Возможно. Один раз мне уже прилетело от нее оперением по плечу, но по-другому Сокола не выучить. Если я не буду двигаться, создавая помеху, она никогда не научится отсекать лишнее и фокусироваться на главном.

— Полли... — я позвала её негромко, с улыбкой, продолжая неспешно перемещаться между деревьями.

Девочка замерла. Я видела, как ходят ходуном её плечи, как дрожат пальцы, сжимающие лук.

— Не дрожи. Плечи прямо, локоть выше. Видь дерево, Полли. Только дерево. Забудь, что я здесь.

Она резко, порывисто выдохнула. В тот самый миг, когда я выходила из-за ствола, тетива звеняще щелкнула. Наконечник с хрустом вонзился в кору в паре дюймов от моего виска. Спасибо, что не в руку и не в глаз.

— Уже лучше. Гораздо лучше, — я кивнула, игнорируя холодный пот на загривке. — Давай еще раз.

— Почему вам, взрослым, так везет? — Полли потянулась за следующей стрелой, шмыгнув носом. — Вы целитесь так спокойно, будто у вас в глазах не картинка прыгает, а застыв-

ший рисунок.

— Потому что мы тоже долго учились, мелочь. Мастерство не про... — я осеклась, вовремя прикусив язык. Рано ей еще слышать наши солдатские присказки. — Оно не дается даром. Цена зрения — это тысячи промахов.

— А старушка Линда говорила, что вообще не помнит, как фокусировать взгляд. И как стрелять — тоже, — Полли нахмурилась, пытаясь совладать с тетивой.

— Потому что она потеряла память, — я невольно коснулась своего запястья. — К сорока годам пустота приходит почти за каждым из нас. Это неизбежно...

Я пожала плечами, стараясь, чтобы это выглядело равнодушно.

— Ты тоже забудешь? — Полли опустила лук, и в её глазах отразился страх. — Забудешь меня? Забудешь Джейса?

Я подошла к ней и мягко положила ладонь на её плечо, чувствуя хрупкие косточки.

— Нет, конечно. Мою семью это проклятие не коснулось. Мы помним всё — и хорошее, и плохое. Так что тебе от меня не отделаться.

Я заглянула ей в глаза, заставляя отвлечься от грустных мыслей.

— Хватит болтать. Живо в стойку!

Глава 3

На обратном пути в городок меня прошиб холодный пот. Это не был мороз вечернего тумана — это было странное чувство чужого присутствия, которое заставило волосы на загривке встать дыбом. словно кто-то невидимый, затаившийся в густых зарослях у края тропы, сверлил мне спину изучающим взглядом.

Страх сжал горло: на похороны я не взяла оружия. Мой лук остался дома, а нож я в спешке забыла на кухонном столе. Сейчас я была беззащитна, как птенец, выпавший из гнезда.

Я резко замерла посреди тропы, прислушиваясь к биению собственного сердца. Впереди, в паре сотен метров, за туманной дымкой виднелись стены нашего городка. Позади — Розовое поле. Если я побегу, оборотню не составит труда перехватить меня в два прыжка: их скорость в истинном обличье за гранью человеческих возможностей. Они не бегают — они летят над землей, разрывая пространство когтями.

Я зажмурилась, концентрируюсь на звуках. Раз. Два. Три. Резкий разворот — и только звенящая тишина в ответ. Параноя? Я огляделась, ловя каждый шорох жухлой травы, каждое движение теней под деревьями. Никого. Выдохнув сквозь стиснутые зубы, я прибавила шаг. Даже если мне всё

это просто померещилось в бреду скорби, проверять на собственной шкуре не хотелось.

Миновав массивные ворота, я пошла по пустеющим улицам. Вечер опускался на город, принося с собой тишину. В одном из узких переулков я услышала знакомый низкий бас Ксандера и невольно замерла, вжимаясь в стену дома.

— Ксандер, я говорю тебе: это следы зверя. Крупного, матерого самца, — это был голос моего отца, Стена. — Охотники сюда не сунутся, они задыхаются от аромата роз, их датчики сходят с ума. Это был оборотень, клянусь богами!

Значит, он всё-таки нашел следы? Здесь, на нашей территории, совсем рядом с жилыми домами?

— Не поднимай панику раньше времени, Стен. Мы только что с похорон, люди и так на пределе, — глухо ответил Ксандер. — Если это правда, придется удваивать караулы и выставлять посты даже у колодцев. Видимо, их новый вожак действительно еще безумнее и наглее прежнего.

Значит, оборотни всё же решили разорвать остатки соглашений и развязать новую войну...

Я вышла из тени, не скрывая, что слышала каждое слово. Мужчины одновременно обернулись, и я увидела, как в руках вождя блеснул металл, прежде чем он узнал меня.

— Рита? Почему ты не дома с матерью? — отец сделал быстрый шаг ко мне, его глаза, точь-в-точь как мои, лихорадочно сканировали меня на наличие ран.

— Я всё слышала. И отец прав, Ксандер. Только что на

дороге у поля я чувствовала, что за мной следят. И это не горе и не фантазия.

Вождь переглянулся с отцом. Между ними словно искры летели, которые я терпеть не могла.

— Нужно усилить охрану периметра... — выдохнул он, устало потирая переносицу.

— И какой в этом прок? — встрял отец, пронзая вожака яростным, почти ненавидящим взглядом. — Оборотни в разы сильнее нас и быстрее. Если они решат зайти в город ночью, твои караулы даже вскрикнуть не успеют!

— А что ты предлагаешь, Стен?! Сложить оружие и ждать? Или ты хочешь в следующий раз сжигать здесь, на этом поле, Тео или Риту?!

Отец заметно вздрогнул, будто его ударили наотмашь, и отпрянул. Семья была для него единственной святыней, ради которой он был готов перегрызть горло любому врагу — и, кажется, даже вождю.

— Рита, иди к матери. Ей после похорон совсем худо, она места себе не находит, — приказал он тоном, который не предполагал возражений.

Затем он бесцеремонно схватил Ксандера за локоть и утянул его в глубину переулка, продолжая что-то горячо доказывать. Мой отец был одним из немногих в племени, кто не боялся спорить с вождем до хрипоты, когда дело касалось его крови.

Вернувшись домой, я застала маму у камина.

Она сидела неподвижно, сложив руки на коленях и глядя на угасающие, подернутые седым пеплом угли. Из кухни вышел Тео. В руках он держал кружку, от которой поднимался густой аромат заваренных розовых лепестков.

— Ты как, Рит? — тихо спросил брат, опускаясь на одно колено перед матерью и осторожно протягивая ей питье.

Я промолчала, просто кивнув. Мои собственные силы были на исходе, но маме сейчас было куда тяжелее — она потеряла сына, который только-только начал называть её матерью.

— Я в норме. Тео... — я дождалась, пока он посмотрит мне в глаза. — Когда мама уснет, мне нужно поговорить с тобой. Наверху. Придешь?

Брат коротко кивнул, но по его глазам я увидела, что он догадывается о моих планах. Безумных, как и я сама. Что естественно, то не безобразно, мой дорогой брат.

Раз оборотни начали играть по-крупному и подходить так близко к стенам, медлить было нельзя. Каждая минута промедления могла стоить кому-то жизни. Я ушла в свою комнату, но не стала снимать походное снаряжение. Напротив, я затянула ремни колета еще туже. В моих планах на сегодня всё еще значилась вылазка, и теперь она стала необходимостью.

Не знаю, сколько прошло времени — полчаса или вечность, прежде чем дверь в мою комнату тихо скрипнула и вошел Тео.

— Мама спит? — спросила я, оборачиваясь от окна.

Брат кивнул и присел на край кровати, внимательно, с прищуром изучая мое лицо. Он всегда так делал. Я не помню ни единого случая, когда он мог без этого взгляда смотреть на меня после подобных ситуаций. Брат искал повод для самого себя, увидеть во мне хоть каплю благоразумия. Но он знал, я с ним не в гляделки играю и уж тем более не собираюсь читать на ночь.

— Что ты задумала, сестренка?

— С чего ты взял, что я что-то задумала? — я попыталась сделать невинный вид, проверяя тетиву лука.

Тео невесело усмехнулся, покачав головой:

— У тебя сейчас взгляд точь-в-точь как у отца, когда он замышляет какую-нибудь опасную авантюру в обход приказов Ксандера. Говори прямо.

Я невольно улыбнулась. Мы с ним слишком хорошо знали друг друга.

— Ты прав. Я слышала их разговор с Ксандером в переулке, и мне нужна твоя помощь. Отец нашел следы. Обратни здесь.

— И?

— Я хочу вернуться на поле сегодня ночью, — закончила я, глядя ему прямо в глаза.

Тео округлил глаза, вскакивая с кровати так резко, что она скрипнула.

— Ты совсем с ума сошла от горя, Рит?! Ночью? На поле?

Это же самоубийство!

— Ничуть. Это разведка. Бери Рокки, через час выдвигаемся. Отец с Ксандером всё равно ушли в дозор на южную сторону, им будет не до нас. Мы успеем обернуться до расвета.

— Ты невыносима... — Тео потер лицо руками, но я видела по его глазам — он уже согласен. Он не отпустит меня одну. В прошлом году, или чуть больше, он искал меня после моих слов «я пойду, прогуляюсь», а в итоге нашел на сеновале, спящую и под дождем.

— Я просто не хочу больше никого сжигать на том поле, Тео.

Я фыркнула, снимая со стены свой верный лук из темного дерева. Его сделал мне мой отец когда-то очень давно.

— Раз уж оборотни сами пришли к нам в гости, придется нанести им ответный визит. Проверим, насколько они храбрые в лунном свете.

Тео вернулся через десять минут в полной экипировке. Кожаный колет с усиленными железными пластинами глухо поскрипывал при каждом движении, а за спиной мерно покачивался тяжелый колчан. Идеально. Мой брат выглядел как настоящий воин, если не считать того, что глаза у него всё еще немного опухли от недавних слез. И, признаться честно, я впервые видела эти слезы. Впервые за его двадцать четыре года.

Я молча указала на окно. Выходить через парадную дверь,

мимо спальни отца, было равносильно чистосердечному признанию в измене, а вот прыгнуть со второго этажа на старый сеновал — задача привычная, отработанная еще в детстве, когда мы удирали на речку.

Тео полез первым, смешно растопырив локти.

— Смотри, чтобы задница не застряла в раме, — поддела я его, натягивая перчатки.

Брат что-то сердито буркнул, рванул вперед и с оглушительным, на весь двор, шорохом рухнул в сухую траву.

— Ты просто ходячая находка для оборотня! — прошипела я, приземляясь следом. Мой прыжок был почти бесшумным.

— Извините, у меня окно узкое! В следующий раз расширю специально для твоих саркастичных комментариев!

— Это ты просто слишком широкий в плечах стал, воин, — я поправила лук за спиной. — Всё, хватит. Теперь за Рокки и к полю.

— Напомни-ка, почему мы из одной семьи? — Тео иронично выгнул бровь, отряхивая сено с колен.

— У родителей спросишь, если выживем.

— Амбициозно.

Дом Рокки стоял через два двора, утопая в зарослях одичавшей смородины. Мы пробирались через огороды, стараясь не звенеть.

— Не топчи помидоры, Рит! Дядя Томас нас прибьет раньше волков! — взмолился Тео, когда я едва не наступила

на грядку.

— Я тебе этот помидор знаешь куда засуну, если не замолчишь? — огрызнулась я, подходя к окну спальни Рокки.

Рокки был лучшим другом моего брата и, честно говоря, болваном еще более знатным, чем Тео. Но следопыт он был от бога — мог по примятой траве определить, сколько часов назад здесь пробежала полевка. Я трижды методично постукала в стекло. В ответ донесся богатырский храп. Спит он так же крепко, как и вся его родня — пока пушка под ухом не бахнет, не проснется.

— Рокки! — позвал Тео, прижавшись губами к щели в окне.

Храп на мгновение затих, сменившись невнятным бормотанием про «еще пять минуточек», и возобновился с новой, утробной силой.

— Клянусь, я сейчас выбью стекло камнем! — я уже потянулась к земле за увесистым булыжником.

— Спокойно! — Тео перехватил мою руку и начал стучать в ритме походного марша.

Наконец, за мутным стеклом показалась заспанная, невнятно помятая физиономия белобрысого парня. Рокки выглядел так, будто его только что вытащили из-под завала. Мы были вместе с моих лет так семи. Он вечно подкалывал меня, а я подкалывала его острием стрелы.

— Вам чего? — выдавил он, зевая так широко, что я все-таки испугалась за его челюсть.

— Собирайся, уходим. Быстро.

— Куда? На свидание? — он глупо захлопал ресницами, пытаясь сфокусировать взгляд на мне.

— На кудыкину гору, Рокки! — процедила я сквозь зубы.
— Живо одевайся. У нас дело, и твои навыки следопыта нам сейчас нужнее всего. На кону жизнь племени, а ты пускаешь слюни в подушку.

— Ох, как же с вами трудно-то... что ж творится, батюшки... — заворчал Рокки, скрываясь в глубине комнаты.

Мы ждали снаружи, прислушиваясь к звукам ночного города. Прошла минута, две. А затем из комнаты снова донесся до боли знакомый храп.

— Да он издевается! — Тео не выдержал, запрыгнул на подоконник, едва не сбив горшок с геранью, и влез внутрь, бесцеремонно встряхнув друга за плечи.

— А? Что? — Рокки подскочил, испуганно оглядываясь.
— А, Тео... Это ты... Я просто прилег на секунду, чтобы сапоги надеть...

— Рокки, ты не Сокол, ты ленивый жаворонок с амнезией,
— выдохнула я, глядя на это безобразие через проем.

Кое-как выкарабкавшись из окна следом за Тео, Рокки продолжал ныть на ходу, путаясь в собственных шнурках:

— Я даже к девчонкам через окна не лажу! Честная у меня натура! — ворчал он, когда Тео буквально подталкивал его в спину к забору.

— Я знаю, как его окончательно разбудить... — хитро

улыбнулась я, нащупывая стрелу в колчане.

В следующую секунду точно между ног Рокки, в каких-то паре сантиметров от его сапога, со свистом вонзилась стрела.

Парень отшатнулся с диким воплем, намертво вцепившись в руку Тео и едва не повалив его на землю. Сон как рукой сняло, глаза стали размером с блюдца. Примерно про такие игры и подколы я говорила.

— Да не сплю я! Не сплю! — взвизгнул Рокки, судорожно проверяя, на месте ли его штаны и всё остальное содержимое.

— Славно. Значит, темп не сбавляем. Идем, — отрезала я, не оглядываясь.

— Хотя бы объясните, что происходит? Куда мы премся в такой темени? — жалобно выдавил белобрысый, семена за нами и постоянно озираясь.

— Мы ищем оборотней, — бросила я через плечо.

Рокки замер как вкопанный, едва не споткнувшись о собственные ноги.

— Оборотней?! Рита, ты совсем с ума сошла?! Ты перегрелась на костре Джейса?

— Ты сегодня не оригинален, Рокки. Ты уже второй за последние пятнадцать минут, кто меня об этом спрашивает. Видимо, это семейное.

— Это не смешно! Охотники или оборотни сожрут нас и костей не оставят! Поиграли в героев и хватит — я возвращаюсь в теплую люльку.

Рокки уже развернулся, чтобы припустить обратно к защищенным стенам, но Тео, как почуявший добычу ястреб, вырос перед ним, преграждая путь своим мощным корпусом.

— Старшие скрывают от нас что-то важное, Рокки. Мы обязаны узнать правду: лезут ли волки на рожон, заходя прямо в наше пекло, или отец просто переутомился. Если они здесь — город в опасности. Понимаешь?

— Даже если вам это интересно, это не повод подставлять наши молодые головы под клыки! — не унимался тот. — Если там, предположим, что-то есть... зачем туда лезть?

— Заткнитесь! Оба! — прошипела я, мгновенно вскидывая руку и приседая к земле. — Тихо... здесь кто-то есть.

Парни тут же притихли и, словно по команде, синхронно пригнулись, прячась за моей спиной, как два птенца за наседкой. Я закатила глаза, не оборачиваясь, но тетиву на луке натянула до звона.

— Иногда мне кажется, что единственная девушка в нашей компании — это я, а вы — мои испуганные фрейлины.

— У меня вообще оружия нет! — шепнул Рокки, вжимая голову в плечи так, что она почти исчезла в вороте рубахи. — Я что, буду сражаться с вервольфом голыми руками? Защищечу его до смерти?

На поле, к которому мы подошли, царила мертвая тишина. Ни сверчков, ни ночных птиц. Однако шелест веток, который я уловила секунду назад со стороны старого дуба, точ-

но не был игрой воображения. Это был не ветер, гуляющий в кронах, и не осыпающаяся сухая листва.

Я отчетливо слышала мягкий, едва уловимый звук — приглушенное касание лап о сухую землю. И запах... К сладости роз примешался резкий, дикий аромат табака.

— Он там, — одними губами произнесла я, указывая на кончиком стрелы в темноту. — Приготовьтесь.

За нами снова следили. И на этот раз невидимый охотник был совсем рядом — я чувствовала его. Треск сухих веток под чьими-то лапами стал отчетливым, ритмичным. Я замерла, сливаясь с тенью старого дуба, и медленно натянула тетиву. Пальцы в кожаной перчатке замерли в высшей точке напряжения у самой щеки.

Кусты впереди заходили ходуном, парни за моей спиной синхронно задержали дыхание, превратившись в изваяния. Тео тоже вскинул лук, целясь в темноту, где мелькали неясные пятна.

Но из подлеска, ломая сухие стебли роз, выскочил всего лишь маленький кролик. Он замер на секунду, шевеля ушами.

Я шумно, со свистом выдохнула, и волна бессильной злости накрыла меня с головой. Я пришла сюда за монстром, за убийцей Джейса, а не за жалким грызуном! Адреналин требовал выхода. В висках стучало: «Убей. Хоть кого-нибудь. Пусть польется кровь».

Мои зрачки сузились, активируя соколиное зрение. Мир

вокруг мгновенно преобразился: краски померкли, но контуры стали пугающе четкими, а движения зверя замедлились, как в густом меду. Я видела каждую траекторию: он несется вперед, но там овраг, заросший колючкой, значит, через мгновение он заложит крутой вираж влево. Я взяла упреждение, чувствуя, как лук становится продолжением моих рук.

Три. Два. Один.

Стрела сорвалась с тетивы и в мгновение ока пробила бок зайца насквозь, пригвоздив его к земле. Тот успел лишь коротко подскочить, издав сухой хруст, и замер навеки.

Я услышала нервный, почти истеричный смешок Рокки:

— Обожаю быть Соколом... Чисто, быстро, и ужин готов.

— Рита, что ты натворила?! — Тео буквально вырвал меня из транса, больно встряхнув за плечи. Его лицо было белым, как мел, в лунном свете.

— Это всего лишь заяц, Тео! Успокойся! Мне нужно было... — я осеклась.

— Это не просто заяц! Принюхайся, идиотка!

Я подалась вперед, невольно раздувая ноздри и ловя поток воздуха со стороны убитого зверя. Мои чувства, обостренные соколиной магией, не обманули: вместо обычного лесного запаха шерсти и травы от тушки потянуло едким, терпким шлейфом дорогого, выдержанного табака. Такого, какой не курят простые работяги.

Ледяной холод сковал внутренности. Это был оборотень

в обличье. Разведчик.

Я только что развязала войну одной стрелой. Кто же получает звание идиотки? Не будем показывать пальцем, это не вежливо.

Я рванулась к труп, который лежал в дюжине метров, надеясь, что ошиблась, но брат стальной хваткой поймал меня в охапку, прижимая к себе.

— Не смей! Слышишь? Если тебя увидят рядом с мертвым разведчиком, ты уже не отмоешься перед Ксандером! И перед их новым вожаком тоже. Уходим! Живо!

Тео буквально вытолкнул меня на тропу, заставив пробираться обратно через лаз в ограде. Рокки шел следом, бледный как полотно, постоянно спотыкаясь о собственные ноги. Лишь у самых ворот города он обернулся на темное поле:

— В любом случае... не факт, что они подумают на нас. Мало ли хищников в лесу? И вообще, мне этот заяц с самого начала не понравился, больно дерзко смотрел.

— Рокки, ты понимаешь, что это — прямой вызов? — прошипел Тео, затаскивая друга в тень домов.

— Да очнись ты! — Рокки вдруг перестал ныть и посмотрел на него со странной решимостью. — Они убили жениха Риты! Они выкосили половину нашего народа за двадцать лет! Неужели смерть одного шпиона станет концом света?

— Да! Потому что им нужен был повод, чтобы разрубить этот узел! — Тео ударил кулаком по стене. — Одно дело — честный бой, и совсем другое — подлое убийство разведчи-

ка в облике зверя. Это нарушение всех древних кодексов.

— Тео, они никогда не играли честно, — перебила я их, оборачиваясь. — Оборотням нужен был только повод. А с их новым вожаком правила игры изменились окончательно. Прежний хотя бы знал цену слову, а этот... у меня самые дурные предчувствия.

Мы проводили Рокки и вернулись домой, прокравшись в свои комнаты тише теней. Всю ночь я провела без сна, сидя на полу у окна. Я методично перебирала стрелы, проверяя оперение и остроту наконечников, словно это могло меня спасти.

Я молилась всем богам, существующим и выдуманым, чтобы этот проклятый заяц сгинул в лесу бесследно, чтобы его сожрали волки или смыло дождем... Но в глубине души я знала: утром за нами придут.

Сон пришел внезапно, вытесняя серые стены комнаты золотистым маревом.

Это было лето. Аромат был настолько густым, что его, казалось, можно было пить, как сладкий нектар.

Я сидела на самой кромке холма, прислонившись спиной к широкой груди Джейса. Его руки, натруженные и грубые от работы с металлом, сейчас обнимали меня так бережно, словно я была сделана из тончайшего стекла. Я чувствовала кожей ритмичный стук его сердца — ровный, спокойный, мой личный метроном безопасности.

— Рита, не вертись, — раздался его смешливый шепот

над самым ухом. Его дыхание щекотало шею, вызывая табун мурашек.

— Ты возишься там уже целую вечность, Джейс! Что ты там делаешь?

— Создаю шедевр. Соколам не положено ходить с растрепанными косами, даже если они только что соревновались в стрельбе.

Я почувствовала прикосновение прохладных лепестков. Джейс осторожно, едва касаясь пальцами моей головы, вплетал в мои темные волосы одну-единственную розу. Она была необычной — нежно-кремовой, почти светящейся на фоне моих прядей.

— Знаешь, — он вдруг затих, и его руки замерли, — соколы говорят, что розы чувствуют людей. Если ты пришел с миром, они отдадут тебе свой аромат. А если с войной — заберут твое дыхание.

Он развернул меня к себе за плечи. Его глаза искрились золотом в лучах заходящего солнца. В тот момент в них не было ни капли страха перед будущим, ни тени тех войн, о которых спорили Ксандер и мой отец. Только я.

— Тебе очень идет, — прошептал он, поправляя цветок за моим ухом. — Ты выглядишь так, будто сама вышла из этого поля. Моя дикая роза.

Джейс наклонился и коснулся своими губами моего лба — прямо там, где заканчивались лепестки. Это был поцелуй-обещание. Обещание, что мы всегда будем здесь, на

этом холме, под этим солнцем. Что никакие волки и никакие клятвы не разлучат нас.

— Я никогда не оставлю тебя одну на этом поле, Рита. Слышишь? Никогда.

Я улыбнулась во сне, чувствуя, как его пальцы переплетаются с моими. В этом воспоминании не было крови на ладонях. Не было хруста костей под ботинками Ксандера. Не было мертвых зайцев и едкого табака. Было только тепло его рук и бесконечное, мирное лето.

Я резко открыла глаза.

В комнате было темно и холодно. Окно было приоткрыто, и ночной ветер донес с поля горький запах гари. Я невольно коснулась волос за ухом — там не было розы. Только спутанные пряди и пустота.

Слезы, которые я так старательно сдерживала весь вечер, всё-таки обожгли щеки. «Никогда не оставлю», — эхом пронеслось в голове.

Джейс сдержал слово. Он не оставил поле. Он стал его частью.

Я распахнула глаза и не заметила, как по щеке бежит слеза. Прости меня, Джейс. Прости, что я не смогла сберечь того, кто мне был нужен. В голове не унимались мысли: как он там? Тепло ли ему? Очевидно, на эти вопросы мне больше никто не ответит.

Глава 4

Сон так больше и не пришел. Вместо него в комнату во-
рвался грохот — тяжелая дверь, которую я когда-то так лю-
била запереть, скрываясь от мира, вылетела с петель, жалоб-
но скрипнув металлом.

В проеме, тяжело дыша, стоял Ксандер. Его лицо, обычно
суровое и непроницаемое, сейчас превратилось в маску пер-
вобытного гнева. В правой руке, зажатая за длинные уши,
болталась та самая злосчастная тушка.

— РИТА!!! — его рев, казалось, заставил содрогнуться
сами стены.

— Ксандер, пожалуйста! Я всё объясню! — я подскочила
на кровати, инстинктивно прикрываясь одеялом, словно оно
могло защитить меня от его ярости.

Он не стал слушать. Одним резким движением вождь
швырнул зайца мне прямо в лицо. Мертвый зверь упал на
одеяло, и я почувствовала тошнотворный запах гниющей
плоти, перемешанный с тем самым едким шлейфом табака.

— Твоя стрела! Твое личное клеймо на наконечнике! —
Ксандер навис надо мной, загораживая свет единственной
свечи. Его желваки ходили ходуном, а глаза полыхали опас-
ным огнем.

— Я хотела отомстить! Они убили Джейса! Разве ты не

понимаешь?! — закричала я, чувствуя, как внутри всё клочечет от обиды.

— Ты дура! Маленькая, безмозглая дура! — он схватил меня за плечо, встряхивая. — Ты хоть понимаешь, что ты наделала?! Ты не месть совершила, ты смертный приговор нам всем подписала!

— Ксандер, угомонись! — в комнату вихрем ворвался мой отец. Он встал между нами, силой отпихивая руку вождя от моего плеча. — Ты прекрасно знаешь, в каком она состоянии. Думаешь, я забыл, как ты сам вырезал троих оборотней, когда они забрали твою жену?!

Вождь на мгновение замер. Сбитое, клочечущее дыхание выдавало его внутреннюю борьбу — ярость столкнулась с горькой правдой прошлого.

— Стен, я убил их тогда, когда мы могли себе это позволить! Когда их вожак был трусом, готовым поджать хвост за лишний кусок мяса! А сейчас? У них новый лидер, в десятки раз сильнее и хитрее! Мы не знаем ни его мотивов, ни его характера, а ты позволил своей девчонке плюнуть ему в лицо!

Ксандер начал нервно шагать по комнате, а я окончательно сжалась в комок на кровати, прижав колени к груди. Хладный труп зайца лежал рядом, как немое обвинение.

— Я пыталась защитить честь Джейса... — едва слышно выдавила я сквозь подступающие слезы.

— Защитить?! — он резко развернулся ко мне, ткнув

пальцем в сторону окна. — Ты подставила под удар всё племя! Ты...

Раздался звонкий звук пощечины. На мгновение в комнате воцарилась такая тишина, что было слышно, как догорают фитиль свечи. Но ударили не меня. Мой отец, обычно спокойный и рассудительный Стен, нанес Ксандеру мощный удар, заставив вождя замолчать на полуслове.

— Ты не посмеешь обвинять мою дочь в том, что она не предала память любимого, — отчеканил отец, и в его голосе было столько стали, что даже Ксандер отступил. — Возможно, она совершила глупость, но у неё было на то право. Право Сокола.

Вождь замолчал, гневно щелкнув зубами, его кулаки сжались до белизны в костяшках. Но прежде чем он успел ответить, из распахнутого окна, разрезая ночную прохладу, донесся истошный, захлебывающийся крик Полли:

— Папа!!!

Я замерла, и в этот миг осознание обрушилось на меня ледяной лавиной: мой выстрел принес кровавые плоды гораздо раньше, чем я ожидала. Ксандер в два прыжка оказался у подоконника, его лицо мгновенно осунулось.

— Проклятье! — бросил он, прежде чем сигануть вниз через окно.

Я подбежала к окну вслед за ним. Мирная ночь в одночасье превратилась в бойню. С улицы доносились душераздирающие крики Соколов, звон разбитого стекла и надрывный,

торжествующий вой... Оборотни. Они были уже внутри. Они не ждали утра. Сегодня я впервые увижусь с ними лицом к лицу. Эта мысль совсем не приносила чувства гордости или радости.

— Нам нужно туда! — выкрикнула я, не слушая предостережений и криков отца за спиной.

Схватив лук, я вылетела за дверь. На улицах кипело кровавое месиво. Соколы отчаянно палили из луков и арбалетов по серым теням, мелькавшим в свете горящих стогов с невероятной скоростью. Оборотни действовали пугающе слаженно. Они не стремились убивать сразу — они калечили.

Рвали кожу длинными когтями, дробили кости мощными челюстями, оставляя раненых мучиться на земле в ожидании медленной смерти.

В самом центре этой вакханалии я увидела Ксандера. Он, как раненый лев, отбивался мечом от двух огромных зверей одновременно, а чуть поодаль, прижавшись к каменной стене и закрыв лицо маленькими ручонками, сжалась в комок Полли.

Один из волков припал к земле, пружинисто готовясь прыгнуть вождю прямо в незащищенную спину. Я вскинула лук. Вдох. Выдержка. Мгновенная координация, которой меня учил Джейс. Стрела свистнула, рассекая воздух, и вошла хищнику точно в желтую глазницу. Зверь рухнул, забившись в конвульсиях.

— Полли! Сюда! — крикнула я, стараясь перекрыть шум

сражения и лязг стали.

Ксандер резко обернулся на мой голос.

— Не смей подставлять мою дочь, Рита! — проревел он, видя, как я бегу к девочке.

Но я его уже не слышала. Гул в ушах заглушал всё. Если эта бойня — моя вина, я приму удар на себя. Ценой собственной жизни, если потребуется.

— Рита! Сзади! — голос Тео, где-то слева, сорвался на отчаянный крик.

Огромный снежно-белый волк с полупрозрачными голубыми глазами, похожими на два осколка ледника, летел на меня сверху, буквально закрывая собой ночное небо. Я среагировала на чистых инстинктах: резкий кувырок назад, рывок к Полли. Я схватила девочку за руку и закрыла её своим телом, выставив лук перед собой как последнюю, жалкую преграду.

Волк не напал.

Он приземлился в паре метров, подняв облако пыли, и замер, глядя на меня в упор тяжелым, пугающе осмысленным взглядом. Рядом с ним, как верные тени, выросли два мощных черных зверя. Они не рычали, они ждали приказа.

Значит, этот белый и есть их новый вожак. Что ж, ему не помешало бы изменить стиль. Белый очень сильно пачкается.

Полли в моих руках дрожала так сильно, что эта дрожь, казалось, передавалась мне через каждую пластину экипи-

ровки.

— Она нужна мне живой, — вдруг пророкотал волк.

Зверь скрылся в суматохе боя так же внезапно, как и появился, оставив нас на попечение своих подручных. Черные волки начали медленно обходить нас по кругу, сужая смертоносное кольцо.

«Сконцентрируйся, Рита! Ну же, ты — Сокол!» — приказала я себе.

У того, что слева, нервно подергивается передняя лапа — он готов к броску. Второй медлит, он умнее, он лишь прикрывает. Действую!

Первый волк прыгнул, я резко ушла в сторону, увлекая Полли за собой, и хищник, не успев затормозить, на полном ходу врезался в своего сородича. Не теряя ни секунды, я подхватила Полли на руки и, не чувствуя веса её тела от адреналина, рванула в узкий проход между домами.

— Будь здесь, Полли, молю тебя... Папа придет за тобой, как только всё стихнет. Только не дыши, — я буквально втиснула её в щель за дровами.

Девочка вцепилась мне в шею мертвой хваткой, и в её глазах я увидела то, что заставило мое сердце окончательно превратиться в камень. Она верила мне.

— Рита... не уходи... пожалуйста... — голосок Полли дрожал, срываясь на хрип.

Я крепко, до боли прижала её к себе на мгновение, но в этот момент по шербоатой стене дома скользнула длинная

тень. Белый волк нашел нас. Он шел медленно, почти лениво, и каждый его шаг отдавался во мне погребальным звоном. Он обнажил кинжально-острые клыки.

— Трогательно, — прорычал он, заходя с фланга и отрезая нам путь к площади.

— Не смей касаться её! — я выставила вперед руку, задвигая Полли глубже в щель. — Оставь мою семью в покое, зверь!

— Я не трону её... если ты пойдешь со мной, птенец, — он сузил свои ледяные глаза, изучая меня как диковинный трофей.

— Никогда!

Я молниеносно выхватила стрелу, наложила на тетиву и замерла, целясь ему прямо в переносицу. Белый вожак лишь оскалился в пугающем подобии человеческой улыбки.

— Давай... стреляй. Покажи, на что ты способна. Так же метко, как в того зайца, — подначил он, делая еще шаг.

Он знал. Хотя, мне нечему удивляться. Наверняка тот заяц был смертником, который отдал свою жизнь для развязки войны.

За моей спиной раздался захлебывающийся вскрик Полли. Я обернулась на долю секунды — и этот миг стал роковым. Два серых волка, неведомо как оказавшиеся сзади, уже тащили девочку прочь из укрытия за шиворот, их клыки окрасились её кровью.

— Нет! Полли!

Я не успела сделать и шага. Огромная туша сбила меня с ног, вминая в грязь. Резкая, вспыхивающая светом боль прошила плечо — белый вгрызся в меня. Я закричала, захлебываясь собственным криком, и отчаянно забилась, пытаясь сбросить с себя эти центнеры живых мышц.

— Будешь дергаться — зубы уйдут глубже, прямо до кости, — прошептал он мне прямо в ухо, придавливая к земле всем своим весом. — Решай, охотница. Твоя гордость или жизнь девчонки?

— Отошел от неё, мудака! Живо! — из-за угла выскочил Тео, его лицо было перекошено от ярости, лук натянут до предела.

Волк издал смешок, даже не оборачиваясь на угрозу.

— Ты проиграл в тот момент, когда нацелился на меня одного, — бросил он брату. — Оглянись, мальчишка...

Тео резко обернулся, и я увидела, как его уверенность сменилась ужасом. Шесть волков. Они, окружив нас плотным кольцом, отрезая все пути к отступлению. А я до сих пор не могла прийти в себя от боли и шока. Чертов белый зверь... откуда в нем столько сокрушительной мощи?!

— Что вам нужно?! Зачем вы напали на мирных людей?! — выкрикнула я, пытаюсь перекричать хаос битвы и звон собственного сердца в ушах.

Белый вожак спрыгнул с меня, позволяя подняться, но я видела, что он готов в любую секунду снова вцепиться в мое горло. Я с трудом встала на ноги, чувствуя, как по руке течет

горячая кровь, и прижалась спиной к спине брата. Мы были двумя соколами в клетке из волчьих клыков.

— Нам нужна ты, — прорычал он.

Снова крики со стороны площади. И один из них, пронзительный, до боли знакомый, полоснул меня по живому.

— Мама! Нет!

В свете горящего сарая я видела, как двое зверей терзают её, беспощадно дробя кости на ногах. Я рванулась туда, забыв о боли, забыв о белом волке, но путь преградила новая стая. И тут реальность окончательно поплыла.

Вокруг двоих волков, стоявших ближе всех, вдруг закрубился густой, маслянисто-черный дым, скрывая очертания их тел. Кости с отвратительным хрустом ломались и перестраивались — я впервые видела превращение оборотня в человека так близко. Это было противоестественно. Едкий, удушливый запах табака ударил в нос, выжигая мое обоняние.

Я отступила, спотыкаясь, но чья-то мощная рука, похожая на тиски, сомкнулась на моей шее, отрывая меня от земли. Я забилась в воздухе, вцепившись ногтями в стальные пальцы рослого черноволосого мужчины с холодным взглядом.

— Она нужна мне живой! Не вздумай сломать ей шею раньше времени! — донесся сзади властный голос белого волка, который к этому моменту уже тоже начал менять форму.

Мужчина с нескрываемым презрением швырнул меня на

землю, как мешок с костями. Последнее, что я успела увидеть — это его массивный кулак, летящий мне прямо в лицо, и гаснущие огни родного поселения.

Глава 5

Очнулась я от пульсирующей боли в переносице. Кажется, приложили меня на совесть — в голове словно поселился рой разъяренных ос. А я в детстве неоднократно бегала от этих жужжащих созданий.

Глаза открывать не спешила. Я чувствовала, как меня куда-то везут: мерный топот копыт и жесткая грива, в которую я уткнулась лицом, подсказывали, что я на лошади. А может, это один из оборотней в обличье коня? Если так, я даже не против такой иронии — пусть везет меня, пока не выдохнется.

Я старалась дышать ровно, не выдавая своего пробуждения, но чья-то маленькая, ледяная от страха ладошка легла мне на грудь.

— Рита... — знакомый дрожащий шепот, едва различимый в шуме дороги.

Полли? Сердце пропустило удар, а затем забилося с удвоенной силой. Нет, только не она! Только не эта кроха в руках у монстров.

Я резко открыла глаза. Мысли были как в густом тумане, но реальность быстро протрезвила: руки связаны за спиной так туго, что пальцы онемели, мы в плену, а позади, в Соколых низинах, остался полыхающий ад.

— Рита... куда нас везут? — голубые глаза девочки, сидевшей впереди меня на том же скакуне, были полны такого первобытного ужаса, что мне захотелось взвыть.

Я медленно приподняла голову. Нас окружал целый отряд: волки всех мастей — угольно-черные, грязно-серые, бурые... Но белого среди них не было. Кто он такой? Их вожак? Слишком уж он любит поговорить для простого зверя. Его голос всё еще звучал в моих ушах, как хруст костей.

— Эй! Вы! — выкрикнула я, и мой голос прозвучал на удивление твердо, несмотря на разбитый нос. Пара волков мгновенно повернула морды в мою сторону, сверкнув глазами. — Куда вы нас тащите?!

Оборотни переглянулись, скалясь в жуткой, понимающей улыбке. Один из них, крупный серый самец, бежавший вровень с лошадью, ответил низким человеческим голосом:

— К тому, кому ты дашь ответы на все вопросы, пташка. И советую приберечь связки — они тебе еще понадобятся, чтобы кричать.

Боже. И всё это из-за одного несчастного зайца? Серьезно? Убить сородича в честном бою — это война, но брать в заложники ребенка и дочь вождя — это подлость, за которую нет прощения даже демонам.

Впереди показались высокие кирпичные стены и злоеющий свет факелов. Город оборотней. Судя по тому, что я успела заметить, здесь жили одни мужчины — воины, разведчики, палачи. Я не видела ни женщин, ни играющих

детей. «Неужели они не плодятся? — промелькнула злая мысль. — Неудивительно, что они такие бешеные, раз в их жизнях нет ни капли нежности».

Лошадь остановилась у приземистого двухэтажного дома из темного камня. В ту же секунду скакун встал на дыбы, и нас с Полли бесцеремонно сбросили на землю. Я приложилась затылком о край каменной мостовой. В глазах вспыхнули тысячи искр.

— Вождь, куда её? — раздался чей-то голос, доносившийся словно из-под воды.

— В темницу. Мне нужны ответы. Как она это сделала, что задумала и зачем. Если не заговорит — сами знаете, что делать. У нас мало времени.

Этот голос... Снова он. Белый вожак. Жаль, я не видела его лица в этот момент, я бы плюнула в него, не раздумывая. Какие еще вопросы? О чем он вообще толкует?

Надо мной вырос тот самый громила, что разбил мне лицо.

— Вставай, — приказал он, грубо пиная меня в бок подкованным сапогом.

Легко сказать «вставай», когда у тебя вместо лица — сплошной пульсирующий синяк, а голова грозит расколоться на части. Но я не собиралась доставлять им удовольствие видеть мою слабость.

— Может, поможешь? Или твои манеры остались в волчьей шкуре? — съязвила я, глядя на него снизу вверх через

пелену боли.

Мужчина фыркнул, как рассерженный бык, схватил меня за локоть и буквально вздернул вверх.

— Я еще капризы мелких пташек не удовлетворял. Иди.

Он толкнул меня в спину. Полли вели впереди в окружении двоих стражей. Она постоянно оглядывалась, ища моей поддержки.

— Да что вам нужно?! Какие еще ответы вы надеетесь услышать от простой соколицы?!

— Заткнись.

Хлесткая пощечина заставила меня замолчать, во рту разлился металлический вкус крови. Да они издеваются! Сколько можно меня бить?

Нас привели к хижине без окон, пахнувшей сыростью и старой кожей.

Без лишних прелюдий нас толкнули внутрь, напоследок всё же развязав руки. Хоть какая-то милость. Мужчина посмотрел на меня с нескрываемым презрением и с грохотом захлопнул тяжелую дубовую дверь. Скрежет засова прозвучал как приговор.

Мы остались в полной темноте.

Я обессиленно опустилась на холодный, покрытый соломой пол. Полли тут же села рядом, испуганно поджав ноги и стараясь стать невидимой.

— Почему они тебя забрали? Ты же еще совсем маленькая... — спросила я, с трудом фокусируя на ней взгляд.

— Не знаю... как только папа скрылся, меня схватили, бросили на лошадь и велели молчать, если хочу жить, — она всхлипнула.

— Ну конечно, ты же дочь Ксандера... идеальный рычаг давления на вождя, — я горько усмехнулась, прислоняясь затылком к холодному дереву. — Чего еще ждать от этих ублюдков.

В хижине царил удушливый полумрак, лишь тонкие нити лунного света пробивались сквозь щели в бревенчатых стенах. В голове роились вопросы, один страшнее другого. Что с Тео? Жив ли отец? А мама... перед глазами раз за разом всплывала жуткая картина: волки, рвущие её плоть, хруст костей, крик, оборвавшийся на полуслове.

Это моя вина. Если бы я не выстрелила в того проклятого зайца...

Вдруг двери с грохотом распахнулись. Внутри вошли двое в черном — кожаные маски скрывали их лица, оставляя лишь холодные, нечеловеческие прорезы для глаз. Неужели они не будут ждать утра? Неужели убьют нас прямо здесь?

Я инстинктивно сгребла Полли в охапку, прижимая к себе. Сейчас я была её единственной защитой, её стеной, какой бы хрупкой она ни была.

— Уведите девчонку в другой дом, — приказал один из них сухим, безжизненным голосом.

Второй двинулся к нам, протягивая свои лапищи. Я вцепилась в Полли мертвой хваткой, чувствуя, как внутри заки-

пает последняя, отчаянная ярость.

— Не трогай её! — прошипела я, обнажая зубы в подобии звериного оскала. — Только попробуй коснуться её, и я выгрызу тебе глотку, клянусь всеми богами!

Он даже не удосужился ответить. Грубым, рывком палач вырвал Полли из моих ослабевших объятий. Девочка вскрикнула, её пальцы соскользнули с моих плеч, и она беспомощно повисла в руках этого монстра, как тряпичная кукла.

— Рита! — закричала она, захлебываясь слезами и протягивая ко мне руки.

— Отпустите её! Не смейте, слышите?! — я рванулась вперед, забыв о раскалывающейся голове, но первый страж преградил мне путь.

Удар был внезапным. Меня грубо схватили за волосы, дернули назад и швырнули на грязные доски пола. Дверь захлопнулась с тяжелым стуком, унося крики Полли куда-то в глубину коридоров. Я осталась один на один с этим существом.

Из-за спины он медленно, с каким-то садистским удовольствием вытянул длинный, гибкий кнут. Черная кожа змеей легла на пол.

— Я тебе что, лошадь, чтобы кнутом воспитывать? — выдохнула я, глядя на него снизу вверх. Внутри всё дрожало, но ненависть была сильнее страха.

— Ты всё скажешь, — коротко бросил он. Первый удар

пришелся по доскам прямо у моих ног. Свист рассекаемого воздуха разрезал тишину, как бритва.

Я инстинктивно подтянула колени к груди, пытаюсь сжаться в комок.

— Что говорить?! Какие ответы вам нужны от меня? Я просто сокол!

— Отвечай правду, пташка, иначе этот кнут станет твоей виселицей.

Я закусила губу до крови, лихорадочно соображая. Полли... всё зависело от того, что я скажу.

— Оставьте её в покое. Не трогайте ребенка, и я отвечу на всё.

— Мы её и так не тронем. Она — лишь залог твоего красноречия. Пока ты поешь — она дышит.

Он присел на корточки передо мной.

— Меня зовут Рут. Но для тебя я — господин. Поняла?

— Еще чего? — я криво усмехнулась, чувствуя, как на губах лопается кожа. — Может, мне еще в ноги тебе упасть или сапоги вылизать?

Удар пришелся по предплечью. Кожу мгновенно обожгло огнем. Я зашипела, прижимая ладонь к ране, чувствуя, как под пальцами набухает горячий рубец.

— Ладно! Спрашивай! Урод одноглазый...

Лишь бы за мой язык мне не прилетело ножом точно в рот, а так ко всему прочему тут можно даже жить. Вполне сносное местечко.

— Откуда вы берете подпитку? — он демонстративно перехватил рукоять кнута, наматывая хвост на кулак.

В голове пронеслось: розы. Наша кровь, наша жизнь. Оборотням они приносят смерть, как говорят источники, но Соколам дают силу заживлять раны за часы. Выдать это — значит подставить всё поле под огонь.

— У нас... врожденная регенерация. Особенность крови, вот и всё...

— Соколы слабеют с каждым годом, Рита. Я не поверю, что вы восстанавливаетесь от одного лишь солнечного света. Вы что-то прячете.

Очередной удар полоснул по голени. Кожаный комбинезон сдался первым, пропуская лезвие кнута к плоти. Теплая кровь потекла по ноге, пропитывая обувь.

— Да! Мы дети солнца! — закричала я, стараясь скрыть дрожь.

Ложь стоила дорого. Я знала: без розовой мази эти раны начнут гноиться. Мое тело просто откажет, если я не выберусь отсюда в ближайшие сутки. А последний раз я пила отвар перед похоронами Джейса.

— Хорошо... следующий вопрос. Твой вождь Ксандер...

— Что Ксандер? О его жестокости и так все знают! — перебила я, надеясь сменить тему.

— Тогда какого дьявола он сотрудничает с Охотниками? Мир на мгновение замер. Ксандер? С Охотниками?! С теми тварями в человеческом обличье, что годами отслежива-

ли нас ради забавы и шкур? Это было за гранью безумия. Но почему-то мысли начали путаться. Если он жестокий, значит, может быть и предателем? Дыма же без огня не бывает. Но я не могла сбавлять и уходить от своей позиции. Не хватало еще подставлять и низины под горячую руку этих тварей.

— Ты лжешь! Он презирает их больше, чем вас! Он бы никогда не опустился до сделки с убийцами!

— Неверный ответ!

Удар в бок буквально свалил меня с ног. Рут рывком, не церемонясь, перевернул меня на живот, придавливая коленом к полу.

— Ты только и умеешь, что бить?! — прохрипела я в доски, чувствуя вкус пыли и крови.

— Пока не начнешь говорить правду — да.

С треском разорвалась плотная ткань комбинезона на моей спине. Я не успела даже вдохнуть, как на меня обрушился град ударов. Один. Второй. Пятый. Я выгибалась, впинаясь зубами в собственные губы до хруста, лишь бы не дать ему услышать мой мольбы. Свист хлыста заполнил всю реальность, вытесняя мысли.

Мир рассыпался на багровые вспышки. Холод пола исчез — осталось только раскаленное железо, вгрызающееся в лопатки, терзающее поясницу.

— Говори! С кем Ксандер встречался на границе?! — рычал Рут где-то над ухом.

Я уткнулась лицом в сгиб локтя, чувствуя, как сознание медленно, капля за каплей, утекает в темноту. Ксандер и Охотники... если это правда, то всё, во что я верила — ложь. Но я не могла в это поверить. Не сейчас.

— Пошел... к черту... — прохрипела я.

Рут замахнулся снова. Я зажмурилась, готовая к последнему удару, который отправит меня в забытие. Но свиста не последовало. Вместо него в тишине пыточной раздался сухой, вибрирующий властью голос:

— Достаточно. Ты её убьешь, а трупы мне здесь не нужны. От них слишком много вони.

Я заставила себя приоткрыть один глаз, через силу поднимая голову. В дверях стоял он. Высокий, широкоплечий. Волосы цвета старой платины, ледяные глаза. И шрам... багровый шрам, пересекающий левую сторону лица.

Вожак-альбинос с сердцем из вечной мерзлоты. Нет, он полуальбинос. Его брови темноваты для чистокровного, а вот ресниц практически не видно. Я редко таких встречала.

Рут тут же отступил, склонив голову в трусливом поклоне.

— Она лжет, вождь! Она знает об Охотниках, я вижу это по её глазам, Калёб!

Калёб медленно подошел ко мне. Он присел на корточки, и его пальцы, неожиданно обжигающие мою ледяную от шока кожу, обхватили мой подбородок. Он заставил меня смотреть прямо на него.

— Ну и зрелище, — негромко произнес он, и в его голо-

се не было ни капли жалости, только холодное любопытство. Он скользнул взглядом по моей разорванной спине. — Стоит ли твоя верность Ксандеру этой боли, Рита? Стоит ли он того, чтобы ты умерла здесь, так и не узнав, кто на самом деле предал твоего Джейса?

Я собрала во рту последние остатки соленой слюны и сделала то, что обещала себе еще там, на площади. Плевок попал ему прямо под левый глаз, в самое начало старого багрового шрама.

Рут сдавленно охнул, его рука мгновенно легла на рукоять ножа, готовая оборвать мою жизнь в ту же секунду, но Калек даже не вздрогнул. Он медленно закрыл глаза, и я увидела, как на его жестких скулах заиграли желваки. Когда альбинос вытер лицо ладонью и снова посмотрел на меня, я увидела в его ледяном взгляде не ожидаемую ярость, а насмешку.

— Даже в таком положении пытаешься казаться сильной, — хмыкнул он, и в его голосе проскользнуло нечто похожее на одобрение. — Глупая, гордая птица.

Я прикрыла глаза, чувствуя, как силы окончательно покидают меня. Я понимала: еще один раунд «воспитания» от Рута — и я либо задохнусь от боли, либо провалюсь в глубокий обморок. И первый вариант в этот момент казался мне куда заманчивее.

— Дайте ей чистую одежду и приведите в порядок, — бросил Калек, резко поднимаясь. — Прикажи Миле искупать её. От девчонки пахнет, как от свинопаса.

Вожак вышел, с грохотом захлопнув дверь. Кажется, Рут ушел следом — я больше не чувствовала его присутствия.

Спустя какое-то время я обнаружила себя лежащей на животе на жесткой подстилке. Одежды на мне не было. Обернувшись через силу, я увидела пожилую женщину: её лицо было изрезано морщинами. Она бережно промакивала тряпку в тазу с мутной водой и осторожно вытирала запекшуюся кровь с моей израненной спины.

— Тебе еще повезло, бедовая... — прошептала она, не глядя мне в глаза. — Рут мог и забить тебя до смерти, он это любит.

— Это было бы лучше, чем находиться здесь. Где Полли? — мой голос был похож на шелест сухой травы, выжженной солнцем.

Мила на мгновение замерла, её рука, державшая тряпку, заметно дрогнула.

— В главном доме. Калев не тронет ребенка, если ты будешь благоразумной.

Благоразумной? Это слово подходило мне меньше всего на свете. Я попыталась приподняться на локтях, чтобы скинуть её руки, но кожа на спине отозвалась таким диким, жгучим протестом, что в глазах потемнело. Калев. Значит, его зовут так. Коротко и резко, как удар бича.

— Он — чудовище, — выдохнула я, обессиленно падая обратно на солому.

— Все мы здесь не святые, деточка. Но Калев... он ищет

правду. А правда в этих краях пахнет хуже, чем смерть.

Мила достала из корзины серую рубаху из грубого, колючего льна. Но когда она коснулась моего плеча, чтобы помочь одеться, её пальцы вдруг судорожно сжались на моей коже.

— У тебя кожа не затягивается... кровь всё еще идет, — в её голосе послышался искренний страх. — Обычно у соколов раны закрываются быстрее.

— Конечно. Я ведь не восстанавливаюсь, как ваши оборотни, — соврала я, стиснув зубы.

— От чего это зависит? — женщина пытливо заглянула мне в лицо.

— Не знаю... Наверное, я просто бракованная.

Я не скажу ей о розах. Ни за что. Пускай думают, что я слаба. Но внутри всё сжималось от ужаса: без мази из алых лепестков я действительно начала увядать, как сорванный цветок. Раны горели, вытягивая из меня остатки жизни.

Мила поднялась, вытирая окровавленные руки о потемневший фартук.

— Завтра днем Кaleb ждет тебя в главном доме. Соглашайся на его условия, Рита. Если будешь противиться — он убьет тебя без колебаний. Он не любит повторять дважды.

— Пусть убивает, — я медленно, преодолевая тошноту, натянула рубаху. Грубая ткань коснулась открытого мяса на спине, и я едва не взвыла, впившись пальцами в подстилку. — Мне уже всё равно.

— Рита, не будь душой... жизнь дороже гордости.

— Я и есть дура, Мила. Если он хочет увидеть сломленного Сокола, ему придется сначала прикончить меня. Живой я ему не сдамся.

Мила лишь горько поджала губы и вышла, заперев дверь на тяжелый засов. Скрежет железа снова отрезал меня от мира. Тишина этих стен навалилась на меня, как могильная плита. Я в самом сердце логова врага, ранена, а в Сокольных низинах... боги, что там сейчас? Жив ли Тео? Жив ли отец? Зачем-то я нужна Калебу живой.

Глава 6

Я открыла глаза от резкого чувства чужого присутствия. Предчувствие не обмануло: Рут стоял прямо надо мной, загораживая свет, пробивавшийся сквозь щели. На этот раз в его руках не было кнута, но взгляд оставался таким же ледяным и тяжелым, как могильная плита.

— Выходи, — коротко бросил он, кивнув на дверь.

Голова после тяжелого, проваливающегося сна соображала туго, поэтому я молча подчинилась. Сил на колкости и ядовитые замечания просто не осталось — всё сожрал огонь в израненной спине.

Утреннее небо после беспросветного мрака хижины больно ударило по глазам, вышибая слезы. Я поморщилась, прикрывая лицо рукой. Рут, не теряя времени, грубо толкнул меня в спину. Раны на лопатках тут же отозвались пульсирующей, ослепляющей болью, прошивая всё тело до самых пят. Мы шли мимо приземистых домов, и я кожей чувствовала презрение, исходящее от оборотней, провожавших нас взглядами. «Ну да, смотрите на свои «трофеи», — зло подумала я. — Заманили сокола в клетку и радуетесь. Довольны?»

Дверь главного дома со скрипом отворилась, впуская нас в прохладный полумрак. Посреди комнаты, спиной к дверям,

стоял вожак. Альбинос. Калёб. Его серебристые волосы тускло отливали в свете факелов.

Рут стальной хваткой сжал мою руку выше локтя и буквально швырнул меня на пол. Колени с глухим стуком врезались в дерево, голова поникла, рассыпанные волосы закрыли лицо. Более унижительного положения я в своей жизни не знала.

— Оставь нас, Рут, — приказал Калёб, не оборачиваясь. Голос его был ровным, без единой эмоции.

Рут коротко кивнул и медленно вышел. Иронично, что он даже не дал мне под дых на прощание. Я была искренне удивлена такой «милости» с его стороны.

— Рита... — Калёб медленно повернулся, но я упорно не поднимала взгляда, рассматривая лишь его тяжелые кожаные сапоги. Он стоял прямо и неподвижно, как истинный победитель над поверженным врагом.

— Что еще? — спросила я едва слышно, голос сорвался на хрип.

— Вчера ты была куда разговорчивей, — заметил он, сокращая расстояние между нами.

— Вчера у меня и спина была целее, — я позволила себе горько усмехнуться, не поднимая головы.

Калёб издал короткий, сухой смешок. Он плавно присел передо мной на корточки и, обхватив мой подбородок сильными пальцами, заставил поднять голову. Но я упрямо отводила глаза: то в темный угол комнаты, то снова на его ноги.

— Посмотри на меня, — приказал он тихим, вкрадчивым голосом, в котором слышалась сталь.

Я проигнорировала приказ, сжав зубы. И в следующую секунду мой мир перевернулся.

Его губы накрыли мои — жестко, требовательно, жадно сминая их в кровавое месиво. Это не был поцелуй любви, это было клеймо собственности. Я не успела подумать — тело, выпестованное годами тренировок, сработало само. Со всего маху я вlepила ему пощечину. Звонкий, хлесткий удар разлетелся по всей комнате, отразившись от каменных стен.

Калёб даже не шелохнулся, не отпрянул. Его голова лишь дернулась в сторону, а на бледной, почти прозрачной щеке начал медленно проступать багровый след от моих пальцев. Он замер, продолжая сидеть на корточках. Я ждала ярости. Ждала, что он сейчас взревет, позовет Рута и прикажет закончить начатое. Но он медленно повернул лицо обратно, и в его глазах, за этим его шрамом, вспыхнул такой первобытный, пугающий азарт, что мне стало по-настоящему страшно.

— Кусаешься, — прошептал он, слизывая каплю крови со своей пробитой губы. — А я-то думал, Соколы умеют только жалко кричать, когда им ломают крылья.

— Я не только Сокол, Калёб, — я наконец посмотрела ему прямо в глаза, и в моем взгляде было столько концентрированной ненависти, что об неё можно было обжечься. — Я твоя самая большая ошибка. Ты еще пожалеешь, что не при-

кончил меня на той площади.

Он усмехнулся, и эта усмешка была страшнее любого кнута. Его большой палец медленно, почти нежно, провел по моей разбитой губе, стирая кровь.

— Главной ошибкой было то, что я не замечал тебя раньше, Рита. Ты интереснее, чем кажешься. А теперь ответь: как связаны Ксандер и Охотники?

— Никак! — рывкнула я, пытаюсь вырваться из его захвата. — Полли — это всё, что у него осталось после того, как вы вместе с Охотниками вырезали его семью десять лет назад! Вы оба — чудовища!

Калёб медленно поднялся, снова возвышаясь надо мной ледяной глыбой. Его тень накрыла меня целиком.

— Мне нужен твой «соколиный глаз», Рита. Твоя меткость и твоё чутьё. Именно поэтому ты ещё жива.

— То есть меня пытали просто так, «для профилактики»?!

— Нет, это была дисциплина, — альбинос улыбнулся одними губами, и в этой улыбке не было тепла. — Ты всё равно скажешь мне, где вы берете силы. Моим детям, моему народу тоже нужна подпитка. Старые тропы закрываются, магия уходит.

— С чего ты взял, что наша сила поможет псам? — выплюнула я.

— Всё нужно проверять опытным путем. Мы ведь не знаем наверняка, пока не попробуем на вкус вашу святыню.

— Это дурость, Кaleb. Вы просто сдохнете от нашей магии.

— Дурость — это твоё упрямство, маленькая лучница.

Он резко подошел к тяжелой дубовой двери, распахнул её и одним рывком втянул в комнату... Полли.

Сердце пропустило удар и, кажется, просто остановилось. Девочка была цела, на ней было чистое платье, но она была напугана до смерти, дрожа как осиновый лист.

— У тебя два пути, Рита. Либо ты сотрудничаешь со мной, помогаешь отслеживать Охотников и их лагеря, используя свои навыки, и я не трогаю ребенка. Она будет жить в тепле и сытости. Либо... я заключаю перемирие с Охотниками, отдаю им тебя, убиваю девчонку и отправляю её тело Ксандеру в подарок. А после мы вместе сотрем ваше мелкое племя с лица земли. Выбирай.

Он ставил условия, каждое из которых было ударом в самое сердце. Одного взгляда на заплаканное, полное надежды лицо Полли хватило для ответа. Я не могла её потерять. Не снова. Не по моей вине.

— Хорошо... я согласна. Но! — я вскинула голову и про сверлила его гневным, пылающим взглядом. — Вы вернете Полли в Соколы низины. Прямо сейчас. Туда, откуда забрали. И она должна быть в полной безопасности.

Кaleb победно улыбнулся. Эта улыбка не предвещала ничего хорошего — он знал, что я заглотила наживку вместе с крючком.

— Договорились. Но при условии, что Соколы не пойдут на нас войной и не попытаются отбить тебя силой. Иначе сделка аннулирована, и первой умрет девчонка.

Он мастерски загонял меня в тупик. Оборотни против Соколов — это битва лесных богов с дорожной пылью, я понимала это лучше него, но не могла рисковать единственным родным человеком.

— Полли... — я через силу повернулась к девочке и опустилась перед ней на колени, едва сдерживая стон боли. — Ты вернешься домой. Но прошу тебя, маленькая... никому не говори, где я. Никому. Не ищите меня, не пытайтесь спасти. Скажи отцу... скажи всем, что я в безопасности. Что я на задании.

— Но это же неправда... ты вся в крови... — прошептала она, её губы дрожали, а крошечные кулачки вцепились в мою рубаху.

— Это правда, Полли. Просто сейчас мне нужно здесь задержаться. Поняла? Ты должна быть сильной. За нас двоих.

Девочка медленно обняла меня за шею, стараясь не касаться моей израненной спины, словно я была сделана из тончайшего стекла. А я смотрела поверх её плеча на Калеба, стоявшего в тени, и понимала: моя настоящая война только начинается. И вести я её буду в самом сердце логова.

Я оторвалась от Полли первой — не хотела затягивать прощание, иначе просто не смогла бы её отпустить. Девочка бросила на меня последний, полный безмолвного крика

взгляд, прежде чем тяжелые двери снова распахнулись.

В комнату вошли двое: один в непривычно чистых, светлых одеждах, подчеркивавших его бледность, второй — в глухом черном. Они смотрелись как день и ночь. Светлый был худощав, с резкими, словно вырубленными из камня чертами лица, темно русыми волосами и карими глазами; второй был темный — мощный, с выбритыми висками и тяжелым взглядом убийцы.

— Уведите девчонку и скрытно переправьте её в Низины. Вас никто не должен видеть. Сдадите её на окраине и уходите, — приказал Калёб.

Двое молча кивнули, увлекая Полли за собой. Когда дверь захлопнулась, в комнате стало так тихо, что я слышала стук собственного сердца. Я осталась один на один со своим главным кошмаром.

Калёб замер у стола, небрежно перебирая старые бумаги, и вдруг вытянул один плотный лист, бросив его передо мной.

— Ты должна подписать это кровью.

Я вскинула брови, не веря собственным ушам:

— Что? Ты серьезно?

— Ты меня слышала, Рита. Подпиши. Если нарушишь договор или задумаешь предательство — бумага сгорит, а ты превратишься в пепел вместе с ней. Тебе некуда бежать.

Я опустила взгляд на текст, выведенный острым, как когти, почерком: «Клятва на крови. В случае обмана бумага поглотит плоть клятвенника».

— Ты настолько жесток? — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё леденеет.

— А тебе есть чего бояться, если ты не лжешь? — альбинос усмехнулся одними губами. — Если оступишься — от тебя не останется даже памяти.

— Чертов ты... архар, — процедила я сквозь зубы, перехватывая острый клинок, лежавший на краю стола.

— Ты меня козлом назвала? — Калёб вдруг хрипло, по-настоящему рассмеялся, откидываясь на спинку стула. — Знаешь, ты первая, кто рискнул так со мной разговаривать после того, как увидел Рута в деле.

— Надеюсь, не последняя. Желаю тебе побольше таких «собеседников».

Я резко полоснула сталью по ладони. Вспышка боли от пореза на мгновение притупила душевные терзания. Я прижала окровавленную ладонь к пергаменту и тут же вскрикнула, отдергивая руку. Лист не просто впитал кровь — он запульсировал алым, и кожу на ладони обожгло, словно к ней приложили раскаленное клеймо.

— Что это значит?! — выкрикнула я, прижимая раненую руку к груди.

— Нить, которая привязала твою жизнь к этой клетке, — спокойно ответил он, аккуратно сворачивая документ.

— Ты хотел сказать — к клятве?

— Я сказал именно то, что хотел, Сокол.

Калёб поднял пергамент, любуясь тем, как моя кровь ис-

чезает в волокнах бумаги.

— Вечером зайдет Мила, перевязет руку. Свободна.

— Он наконец удостоил меня коротким, оценивающим взглядом. — Дорогу до своей конуры помнишь или прика-
зывать проводить?

— Сама справлюсь. Больно ты мне нужен, провожатый.

— А ты с характером... — Он вдруг резко, по-звериному сократил дистанцию, оказавшись вплотную ко мне. — Таких слаще всего ломать, Рита. Медленно, по одному перышку.

— Пока что я хочу сломать тебе только нос. И желательно — навсегда.

Я вылетела за дверь, не оглядываясь. Спина гудела, ладонь горела огнем, а в голове билась одна отчаянная мысль: без регенерации я быстрее истеку кровью или просто сойду с ума в этом месте, чем дождусь момента, когда смогу нанести ответный удар.

На негнущихся ногах я вошла в сумрак своей хижины и едва не закричала, заметив движение в тени угла. Сердце заколотилось в ребра, как пойманная птица. Из тени медленно вышел тот самый парень в светлых одеждах.

— Испугалась? — усмехнулся он, сверкнув глазами.

— Вы как мыши! Зачем так пугать?! И что ты вообще забыл в моей комнате?!

— Я твоя тень, Сокол. Твоя охрана и твой конвой. И здесь, и в городе. За его пределы тебе выходить запрещено — один шаг без сопровождения вождя, и твоя клятва срывается.

— Ты больше на надзирателя похож, — я захлопнула дверь и прошла вглубь, к единственной свече, которая дрожала от малейшего сквозняка.

Оборотень молчал, мерно выхаживая из угла в угол, как хищник в вольере.

— Сядь, в глазах рябит! — рывкнула я, чувствуя, как силы окончательно покидают меня.

— Нервничаешь из-за клятвы? Разумно. До тебя тут уже сгорело парочку бедолаг, — голос парня звучал обыденно.

— Кто они? — я замерла, боясь услышать знакомые имена. В Сокольих низинах каждый был кем-то кому-то: братом, сватом, соседом.

— Ваши. Две девушки. Клялись помогать, обещали золотые горы, но решили сбежать в первую же ночь. Сгорели заживо, как сухой хворост, едва коснулись границы леса.

Я сглотнула ком в горле. Представила, как алое пламя клятвы пожирает плоть, и в хижине стало как будто холоднее.

— Как их звали?

— Понятия не имею. Мы не спрашиваем имен у заложников, Рита. Лишняя информация мешает спать.

— А моё откуда узнали?

Он наконец удостоил меня взглядом.

— Кaleb давно следил за тобой. Он знал, на кого ставить.

Сердце ухнуло в бездну. Значит, нападение на площадь не было случайностью? Охота велась именно на меня?

— Что?!

— Не ори, — парень поморщился, поправляя ремень. — У меня тоже кнут имеется, если тебе вчерашнего мало.

Лучше бы еды предложил, надзиратель недоделанный... Живот скрутило от голода. Я была голодна как... нет, не как волк. Просто истощена. Но признаться в слабости этим тварям? Никогда.

— Кaleb продумал этот план еще до того, как стал вождем, — продолжал он, мерно шагая по комнате. — Твой брат и отец сюда не сунутся. Не надейся.

— Это еще почему? Тео не оставит меня здесь.

— Девочка передаст письмо. В нем сказано, что тебя похитили Охотники и увезли на север, в сторону Железных пустошей. Печать на конверте чужая, подделана идеально. На нас не подумают.

— Ксандер не идиот, он узнает подделку по запаху или по почерку!

— Это уже не наша забота. Если придут — значит, конец игре и начало большой войны, в которой Соколы сгорят первыми.

— Может, хоть ты объяснишь, зачем я вам так нужна? — я медленно поднялась, хотя ноги предательски подкашивались. «Не давай слабину, Рита! Соколы не падают!» — приказала я самой себе, впиваясь ногтями в ладони.

— Понятия не имею, — парень безразлично пожал плечами. — Может, потому что ты самая бойкая из своего ро-

да. Еще и стреляешь без промаха... Насколько я знаю, у тебя феноменальный «соколиный глаз». Ты видишь то, чего не видят другие.

Этого я никогда не скрывала. Мой отец был лучшим лучником трех поколений, и я унаследовала его дар вместе с цветом глаз. Большинство в нашем племени теперь — старики, чье зрение давно затянуло серой пеленой лет. А детей почти никто не заводит. Страшно представить, в какой ад попадут новорожденные, когда кругом вечная резня: Охотники, волки... Я бы тоже до смерти боялась за своего ребенка в таком мире.

— Ладно... а Охотники? — я сделала осторожный шаг вперед, сокращая дистанцию. — Что вам от них нужно?

— Они забрали то, что принадлежит не им. И мы это вернем.

Он отчеканил это так холодно, что слова застряли у меня в горле. Допрос был окончен.

Вечером заглянула Мила. Увидев моего охранника, она даже не кивнула ему — просто прошла мимо, словно он был предметом мебели. Молча опустилась на табурет и принялась обрабатывать мои раны. Они всё еще кровоточили, края рваной кожи не желали стягиваться, выставя мою слабость напоказ. Я с тревогой смотрела на розовую воду в тазу — розы были далеко, в закрытых садах Низин, а без их сока моё тело отказывалось бороться.

Когда Мила закончила, она так же безмолвно исчезла.

Ощущение, будто она здесь не член стаи, а... рабыня. Пленница, как и я, только сломленная годами.

— Я так и не узнала твоего имени, «охрана», — я выпрямилась, стараясь не морщиться от боли в спине.

Тот обернулся с едкой, вызывающей усмешкой:

— Что, понравился? Уже глазки строишь?

Играет со мной? Прощупывает почву? Что ж, я тоже умею принимать вызов и бить по больному.

— Может быть, — я заставила себя улыбнуться самой обворожительной из своих улыбок.

Радости ему это не принесло. Ухмылка мгновенно погасла, лицо темно русого превратилось в каменную маску. Он резко отвернулся и сорвал кнут с гвоздя на стене.

— Думаешь меня этим напугать? — огрызнулась я, не отступая ни на шаг. — Ты только на это и способен?

Он сверкнул глазами, в которых плескалось глухое раздражение:

— Не смей нести эту ересь, Сокол. Не испытывай моё терпение.

— А то что? Ударишь? Давай, бей! Одним шрамом больше, одним меньше!

Тот не ответил. Он замер, повернувшись ко мне спиной. Эта тишина взбесила меня больше, чем крик. Не выдержав, я вскинула руку и мертвой хваткой вцепилась в его волосы на затылке, дергая на себя.

Он зарычал — по-настоящему. В мгновение ока он пере-

хватил мои запястья, вывернул их и впечатал меня в стену. Его глаза полыхнули ярким желтым светом, зрачки сузились в тонкие щели. Казалось, он вот-вот сорвется, обернется и перегрызет мне горло прямо здесь. Но он сдержался, тяжело дыша мне в лицо.

— Тони. Моё имя Тони. Довольна, сумасшедшая?

Я незаметно выдохнула, чувствуя костями его силу, но продолжая сверлить его взглядом. Говорят, нельзя смотреть волкам в глаза — разорвут на куски. Но я не из пугливых.

— За что вы убили Джейса? — мой голос прозвучал удивительно ровно, хотя внутри всё дрожало от застарелой боли.

— Джейса? — он нахмурился, не спеша отпустить мои руки.

— За что вы убили моего жениха?! Он был безоружен! Мы собирались пожениться через несколько дней!

Тони отпрянул так резко, что я чуть не сползла по стене.

— Твой Джейс знал слишком много. А был он с оружием или нет — нам плевать. Он зашел на нашу территорию.

— Его нашли около водопада! Это земля Соколов, и ты это знаешь! — выкрикнула я ему в спину.

— Знаешь ли, Рита, оборотни тоже частенько кутят на том водопаде. Территория общая, — он обернулся у самой двери, и в его взгляде мелькнуло нечто, похожее на жалость, что разозлило меня еще больше. — А раз он был один и без меча, значит, он сам знал, что идет на верную смерть. Ложись спать.

Глава 7

Я не сомкнула глаз ни на минуту. Ворочалась на жестком топчане, до крови кусая губы, чтобы не стонать от боли, которая волнами расходилась от спины. Тони всё это время оставался в комнате, неподвижной тенью застыв у двери. Неужели всерьез думает, что я сбегу? Из лачуги без окон, где единственная дверь заперта на тяжелые засовы?

Я резко распахнула глаза, уставившись в потолок. В таких лачугах, по старым рассказам матери, часто бывали подполы, а через них — тайные лазы, вырытые еще в те времена, когда наши племена грызли друг другу глотки с особым остервенением. Пленники десятилетиями прорубали пути к свободе.

Пока Тони сосредоточенно пялился в темноту за порогом, я медленно, почти не дыша, обвела комнату взглядом. Пусто. Может, под половицей у кровати? Но как проверить, если надзиратель не отходит ни на шаг? Да и клятва... Впрочем, плевать. Лучше один раз вспыхнуть пеплом на ветру, чем медленно гнить заживо в этой сырости.

Внезапно в хижину, едва не сорвав дверь с петель, ворвался Рут. На этот раз он был без маски, и я невольно отшатнулась. Страшнее зрелища я не видела: один глаз затянут белесой пеленой бельма, всё лицо — сплошное месиво из багровых шрамов, наползающих друг на друга. Уродство было

настолько пугающим, что в голове бился только один вопрос: «Как ты вообще выжил после такого?».

— Тони! — бросил Рут, даже не взглянув в мою сторону.
— Взлетай со мной, нужен напарник. Срочно. На северной границе движение.

Тони не задавал вопросов. Их тела синхронно окутала густая, тяжелая черная дымка, пахнувшая озоном и сталью. Секунда — и вместо двух мужчин передо мной возникли два огромных, грозных орла с размахом крыльев почти во всю комнату. Мощный взмах, поднявший тучу пыли и старых перьев, — и они вылетели в распахнутую дверь, даже не потрудившись задвинуть засов. Видимо, считали, что я никуда не денусь.

Выйти через дверь? Слишком просто. Сразу заметят часовые на вышках. Я вскочила с кровати, и мышцы тут же отозвались резкой, выкручивающей судорогой — проклятое дерево, проклятая неволя! Я снова впилась взглядом в пол. Одна из досок рядом с ножкой кровати выпирала чуть сильнее остальных. Присев на корточки, я подцепила её ногтями, не обращая внимания на боль в изрезанной ладони. Дерево со скрипом поддалось, приоткрывая черную щель, но в тот же миг за моей спиной раздался вкрадчивый, бархатистый голос:

— Сбегаешь? Или клад ищешь?

Калёб. Словно сидел в засаде всё это время, выжидая моего первого промаха.

— Половица скрипит, решила починить, пока твои цепные псы улетели, — огрызнулась я, не оборачиваясь и продолжая ковырять дерево. — Мужчин-то в этом доме явно нет, раз пол проваливается!

Калёб хрипло, утробно рассмеялся. Я ждала, что он начнет кричать, ударит или вцепится мне в глотку, но он лишь медленно подошел ближе, обдавая меня могильным холодом своей ауры.

— Хижина древняя, Рита. Зачем ей реставрация, когда мы храним здесь всякий бесполезный хлам?

Значит, я для него — просто хлам? Очередная вещь в коллекции? Я поднялась, вскинув подбородок и сверля его яростным взглядом. Мы были почти одного роста, разве что он казался выше из-за своей пугающей, хищной стати.

— Хочешь узнать, что там, под полом? — альбинос кивнул на доску и, не дожидаясь моего ответа, одним резким рывком выдрал её с корнем. Гвозди со стоном вышли из пазов.

Там была земля. Плотная, сырая, мертвая земля. Никаких лазов. Никаких путей к спасению. Истории матери оказались просто красивыми байками для тех, кто не хочет терять надежду.

Калёб резко перехватил мою руку, больно сжимая запястье.

— Хочешь сгореть заживо прямо сейчас или всё-таки начнешь слушать указания, птенец? Клятва не любит нетерпе-

ливых.

— Хватит меня так называть, псина блохастая! — я попыталась вырваться, но его хватка была подобна капкану. — Зачем ты следил за мной? Что тебе действительно нужно?

Он усмехнулся и, склонившись к самому моему уху, зарычал — тихо, глубоко, по-волчьи. По коже пробежала колючая дрожь, волоски на затылке встали дыбом.

— Псина, которая может откусить тебе ногу... или вырвать сердце. Смотря куда морда дотянется. Ты мне нужна, потому что о тебе идет слава как о лучшей лучнице Соколов. Мне нужны твои глаза, Рита. Завтра я иду на охоту, и ты идешь со мной. В первой линии.

— А я там зачем? Хочешь использовать меня как живой щит?

— Будешь моими глазами. Мы заходим на территорию Охотников. Твоя задача — выследить засаду и бить врага прежде, чем он успеет вскинуть ружье и всадить серебро в кого-то из моих людей.

— Тогда сделка на сделку, — я отпрянула от него, пытаюсь вернуть себе хотя бы крупицу самообладания и унять дрожь в коленях.

— М-м-м, торговаться вздумала? И какова цена? Сколько золотых монет стоит твоя лояльность? — он лениво вскинул бровь, глядя на меня сверху вниз.

Я резко выдохнула, чувствуя, как закипает кровь. Невыносимый, самовлюбленный оборотень!

— Мне нужны розы с Розового поля. Свежие. С пылью.

— Я еще не твой суженый, чтобы дарить тебе цветы, Сокол, — парировал он с издевкой.

— Заткнись!

Кaleb вновь рассмеялся — этот его бархатистый, грубый смех раздражал меня сильнее, чем скрип ржавых петель.

— Зачем тебе розы? Вы же на том поле только трупы своих воинов сжигаете. Хочешь устроить здесь поминки?

Я сглотнула. Секундное замешательство. Скажу правду — выдам главную тайну племени о регенерации. Совру — не получу лекарство и просто загнусь от заражения крови.

— Хочу отравить тебя и проверить, как быстро сдохнет великий вождь, — я обессиленно опустилась на край кровати. Ноги дрожали так сильно, что стоять дольше было просто невозможно.

— Меня ни один известный яд не берет, зря потратишь время. Так зачем тебе цветы на самом деле?

— Они... — я выдохнула, на ходу сочиняя легенду, в которую сама бы едва поверила. — Благодаря их пыльце я вижу цель за несколько километров даже в тумане. Это наш секрет. Без них глаз «замыливается», зрение становится обычным, человеческим.

Кaleb прищурился, его светлые глаза изучали моё лицо, пытаюсь найти признаки лжи. Кажется, его самолюбие вожака, желающего владеть идеальным оружием, победило скепсис.

— Значит, в этом секрет вашего хваленого зрения? В цветах с кладбища?

— В сущности — да. Пыльца стимулирует нерв. Иногда без неё глаза показывают морок... а ты ведь не хочешь, чтобы в завтрашнем походе я стреляла в пустоту или, чего доброго, в твою спину из-за «замыленного» взгляда?

Я врала так убедительно, что он заглотил наживку, даже не поморщившись. Видимо, жажда получить идеальное оружие в моем лице перевесила его звериное чутьё.

— Хорошо. Рут!

Я ошарашенно перевела взгляд на дверь. Рут вошел в комнату уже в человеческом обличье — оказывается, он и не улетал далеко, кружил где-то поблизости, охраняя покой своего вожака. Следом за ним, бесшумной тенью, появился и Тони.

— Достань парочку бутонов с Розового поля для этого птенца, — приказал Кaleb, не глядя на подчиненного.

Рут коротко, по-военному кивнул и растворился в наступающих сумерках. Кaleb же перевел тяжелый взгляд на Тони:

— Следи за ней в оба глаза, пока нас не будет. А то она скоро сама подкопы под стенами рыть начнет ногтями.

Он коротко усмехнулся собственной шутке и вышел вон, оставив после себя шлейф ледяного спокойствия.

Наутро я проснулась не от пения птиц, а от того, что мне в лицо прилетел увесистый, влажный сверток.

— Фу! Что за вонь?! — Рут, стоявший в дверях, брезгливо поморщился, прикрывая нос ладонью. — Забирай свои сорняки, Сокол, иначе я тут задохнусь к чертям собачьим.

У роз с нашего поля была одна странная особенность: каждый чувствовал их аромат по-своему, в зависимости от того, что лежало у него на душе. Для меня это всегда был запах густого меда и свежего предрассветного луга. Мой брат Тео говорил, что они пахнут железом и горьким цитрусом. Видимо, для зверя внутри Рута, привыкшего к запаху крови и сырого мяса, наши розы пахли невыносимой, болезненной гнилью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.